

БОРИС КОРОБОВ

НУЛЕВОЙ ЦИКЛ

БОРИС КОРОБОВ

НУЛЕВОЙ ЦИКЛ

КОСТРОМСКИМ СТРОИТЕЛЯМ
И МОИМ УЧИТЕЛЯМ
ПОСВЯЩАЕТСЯ

КОСТРОМА 2006

ББК 38.71
К68

Коробов Б. К.

К68 Нулевой цикл. Костромским строителям и моим учителям посвящается /
Б. К. Коробов. — Кострома : Костромаиздат, 2006. — 140 с. : ил.
ISBN 5-98295-001-7

Автор книги более тридцати лет проработал в системе управления городским хозяйством Костромы, пройдя путь от инженера технадзора горводоканала до мэра города Костромы.

Эта книга — воспоминания о застройке города, его благоустройстве, реконструкции памятников истории, строительстве инженерных сооружений.

Эта книга о людях, которые строили и развивали прекрасный древний город Кострому.

ББК 38.71

ISBN 5-98295-001-7

© Б. К. Коробов, 2006
© С. И. Кадыбердеев, оформление, 2006
© ООО «Костромаиздат», 2006

О ЧЕМ ЭТА КНИГА

Нулевой цикл в строительстве — это дренаж, прокладка коммуникаций, рытье земли под фундаменты. В общем самая тяжелая, трудоемкая и не видимая постороннему глазу работа. Вот об этой работе и о людях, которые выполняют ее в нашем городе, — эта книга.

Я думаю, что нулевой цикл есть в каждом труде. Что бы мы ни начинали делать, везде и всегда нас вначале ждет самый тяжелый и не видимый постороннему глазу период. Потом приходит мастерство, профессионализм, складывается карьера. Но в первое время — черный, порой неблагодарный труд. И об этом тоже эта книга.

Трубы под Костромой

Если где-то на поверхности Земли стоит множество домов, то это еще не город. Город — это когда в том же месте под землей выстроен еще один город — из коммуникаций.

Под Костромой вся земля практически в трубах: старых и новых, металлических и железобетонных, малого диаметра и диаметра в человеческий рост. Но вот несправедливость: то, что построено наверху, — видно всем, а то, что внизу, под землей, — не видно никому. В этой части книги я попытаюсь восстановить справедливость рассказом об истории некоторых подземных сооружений.

Начну рассказ не по порядку возникновения этих сооружений, а сразу с самого, на мой взгляд, значительного — канализационного коллектора «Текстильщик». История его обычна: появилась необходимость крупного строительства жилья в районе Рабочего проспекта и улицы Полянской. А потому понадобилась мощная канализация. Старая уже не тянула, то есть не справлялась со сточными водами.

Весь район был подтоплен так, что здесь не только строительство нового жилья было невозможно, но и для старого создавалась угроза подмыва фундаментов. Поэтому было решено построить целый канализационный комплекс — насосную станцию в районе между мебельным и фанерным комбинатами, от нее проложить две нитки дюкера по дну Волги на правый берег и провести их дальше по заволжскому району через Малышково до Коркинских очистных сооружений. А по левому берегу от насосной станции и дальше по территории фанерного и мебельного комбинатов, по улицам Терешковой, Депутатской на глубине 9–15 метров, чтобы обеспечить самотек, должен был пройти мощный коллектор диаметром в человеческий рост, который проектировщики назвали «Текстильщик».

Проект поддержали деньгами и стройматериалами руководители крупных текстильных предприятий: председатель объединения «Волгальнопром» Павел Николаевич Русинов, директор льнокомбината имени Ленина Лидия Федоровна Живора и ее заместитель по строительству Евгений Александрович Аляев. Эти люди были кровно заинтересованы в строительстве жилого квартала, который получил название «квартал Волгальнопрома» и предназначался для работников текстильной промышленности Костромы. Строительство поддержали, а затем контролировали партийные власти области, города и Ленинского района. Однако строительство самого канализационного коллектора требовало большого дополнительного сноса домов, но у горисполкома не было для этого возможностей. К тому же протестовали фанерный и мебельный комбинаты, по территории которых должен был пройти коллектор: они не хотели неудобств, связанных с рытьем траншей и остановкой производства. Самое же сложное заключалось в том, что прокладка данного коллектора на огромной глубине, ниже существующих инженерных коммуникаций, требовала выноса этих коммуникаций из зоны строительства и большой работы по укреплению траншей.

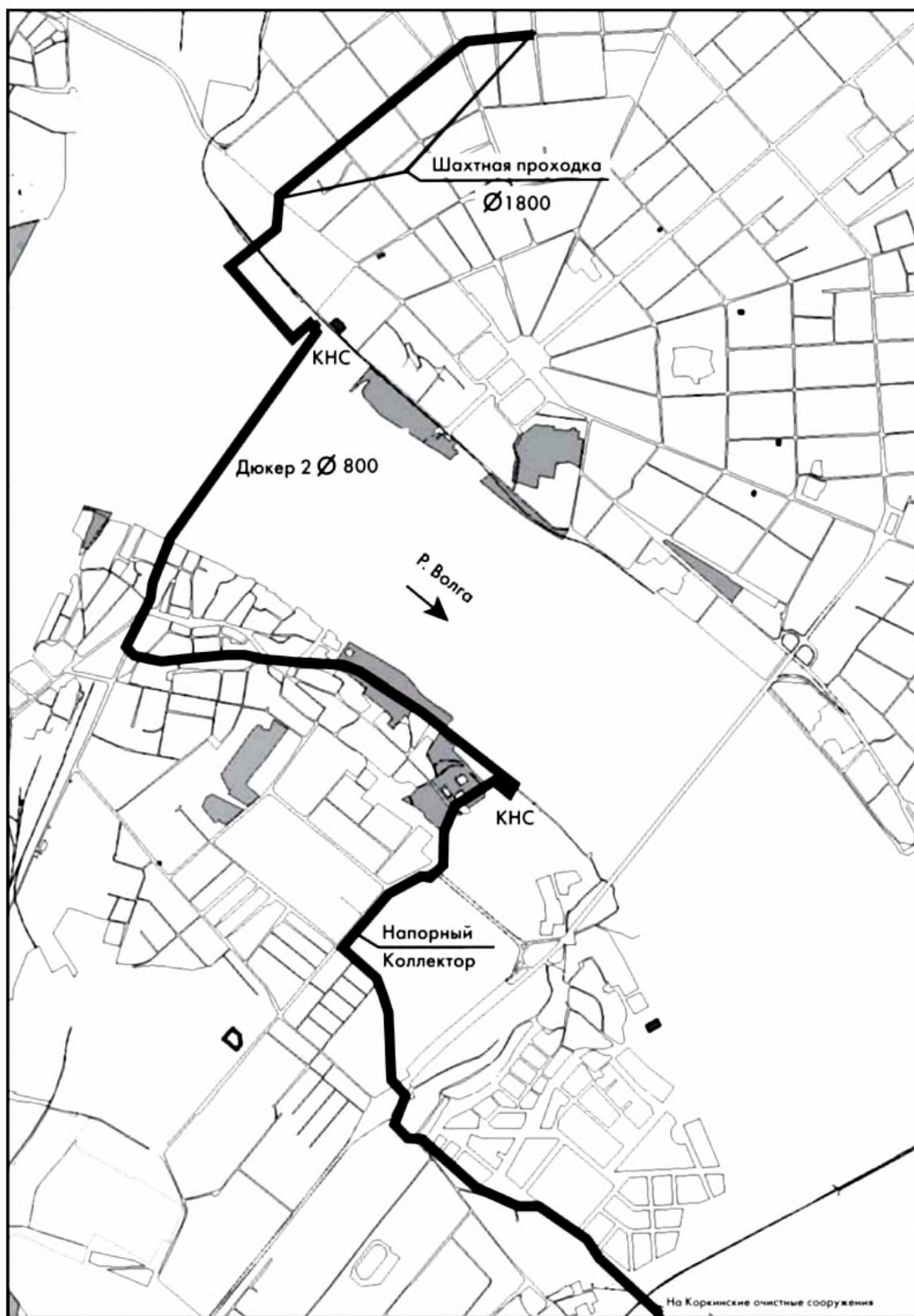
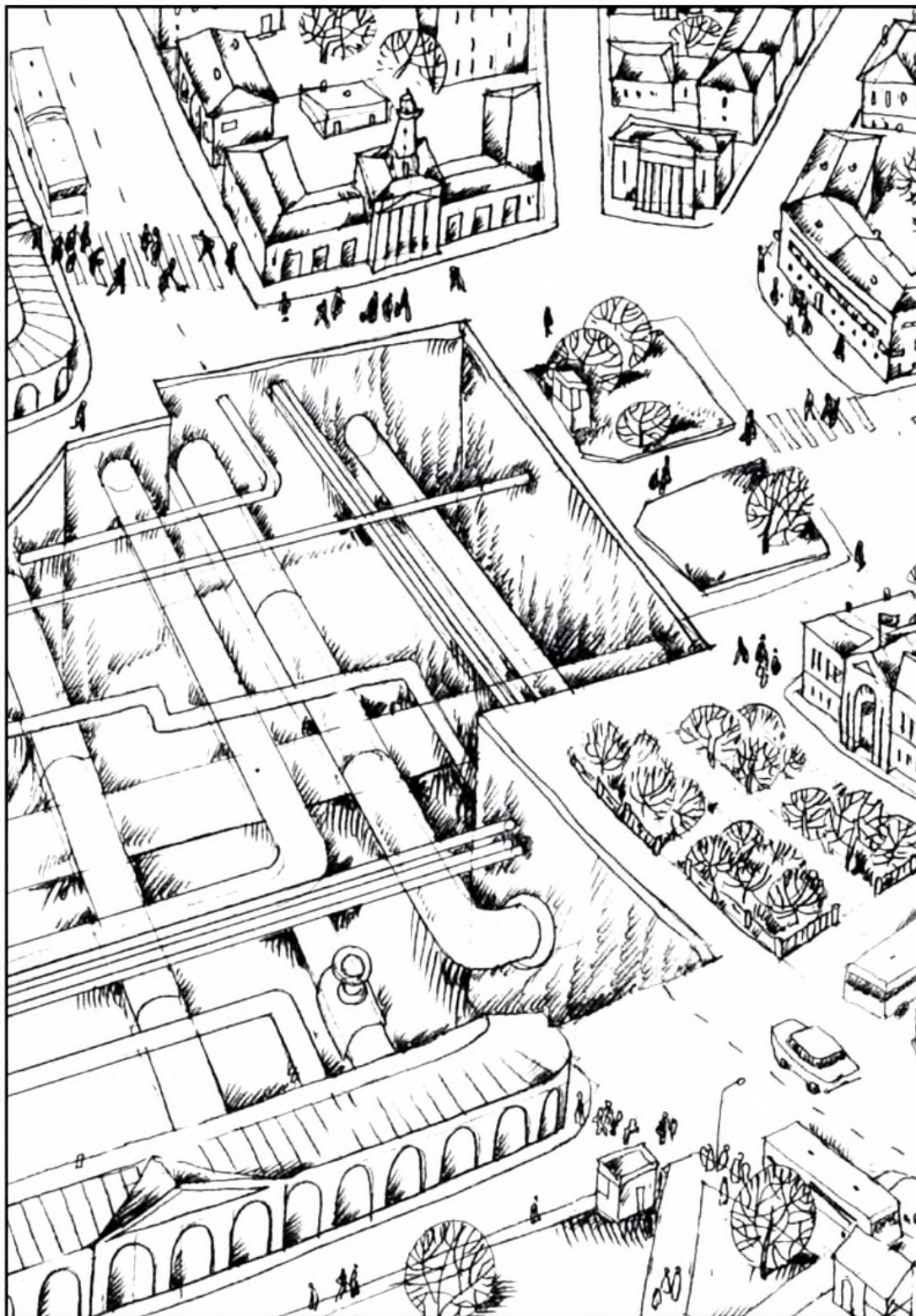

Схема канализационного коллектора "Текстильщик"

Приблизительно так выглядит "подземный город коммуникаций" в центре Костромы

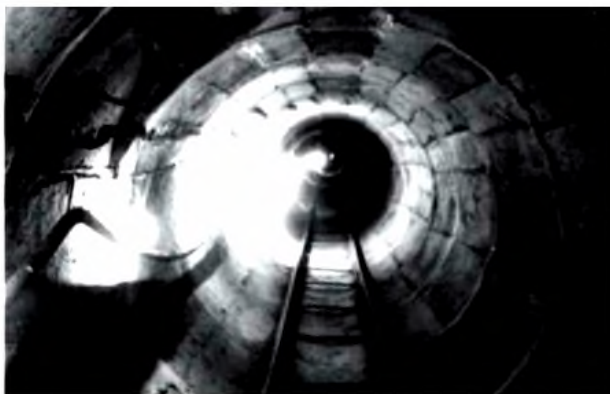
Между тем меня, как председателя горисполкома, уже несколько раз вызывали в горком партии, требовали начинать работу по прокладке коллектора. Я медлил, был в полном смятении, да и строители не знали, как начать прокладку. И тогда Геннадий Иванович Полюшенко, главный инженер ПСМО «Костромастрой», подал мне идею щитовой проходки. То есть не вскрывать землю экскаватором, а рыть под землей, как это делают шахтеры. Полюшенко сказал, что якобы в Нижнем Новгороде сейчас именно так прокладывают все коммуникации. Мы собрали делегацию для поездки в Нижний. В нее вошли начальник доместроительного комбината Александр Семенович Кондрин, главный инженер института «Костромагражданпроект» Константин Николаевич Лиманцев и я.

И вот в Нижнем я впервые увидел, что такое щитовая проходка. Нам дали каски, фонари, спустили в ствол шахты. Дальше мы пошли под землей по канализационной трубе диаметром в рост среднего человека. Вначале было жутковато: идем впотьмах, по низу трубы вода журчит, а сзади, по верху трубы, кто-то стучит, будто молотом: «Бом, бом, бом!». Потом оказалось, что это высокорослый Кондрин, шедший сзади нас, методично стучался головой о свод.

Нижегородцы признались, что этот коллектор они действительно проложили так, что жители города даже не почувствовали строительства и спокойно гуляли, работали, спали наверху. Нам объяснили, как это делается. На свободном от жилых домов и коммуникаций месте роют ствол шахты. Затем в него спускают технику: проходческий щит, основной частью которого является короткая стальная труба диаметром 2,5 метра. Эту трубу загоняют в бок ствола, лопатами выкапывают землю, поднимают наверх. Затем, когда из щита выбрана вся земля, его обкладывают изнутри железобетонными сегментами и толкают дальше, а потом снова выбирают землю и обкладывают сегментами. Таким образом, в земле возникает железобетонная труба. Потом изнутри укладывают металлический профиль, как бы кожух, и между бетонными элементами, соединяя их навечно, загоняют бетон под высоким давлением. Получается труба диаметром чуть больше 1,9 метра. Кожух убирают, а бетонную трубу обрабатывают специальными кислотами, чтобы повысить устойчивость относительно влаги.

Проходческий щит

Железобетонные сегменты коллектора

Мы поняли, что это здорово и только таким способом нужно делать. Смущало то, что в Костроме некому было проектировать такое сооружение. И строить некому. Главный инженер «Костромагражданпроекта» Лиманцев категорически отказался:

— Мы не специалисты по этому делу. И шахтеров в городе нет. А если случится что, кто будет отвечать?

Но, в конце концов, все сомнения отпали. Во-первых, мы узнали, что в Нижнем Новгороде своих специалистов по щитовой проходке не было: все здесь делало объединение «Туласспешахтопроходка» во главе с настоящим проходчиком Анатолием Николаевичем Репиным. А во-вторых, Репин согласился ехать в Кострому.

До сих пор горжусь тем, что мы решились на щитовую проходку. Это сейчас кажется, что целесообразность ее сама собой разумеется. А тогда многие руководители были против, даже не представляя себе, что такое щитовая проходка. Случались курьезы. Например, секретарь Ленинского райкома партии Враченкова пожаловалась в горком партии на то, что я вместо того, чтобы строить коллектор канализации согласно указанию обкома партии открытым способом, затеял его прокладку каким-то щитовым методом. Меня вызвали в горком, и я объяснял там, что хочу сделать и почему щитовая проходка выгодна для города. К счастью, первым секретарем горкома тогда был Николай Иванович Щеваев, человек технически грамотный, поэтому объяснять мне пришлось недолго.

Когда шахтопроходчики прокладывали коллектор под территорией фанерного комбината (а территория там сложная: глубокие бассейны для замочки древесины, подъездные железнодорожные пути), руководство этого предприятия обязало своего начальника ремстройучастка следить, «чтобы не сильно расковыряли землю». Начальник ремстройучастка долго ждал, когда начнут «расковыривать», но так и не дождался. Потеряв терпение, он нашел Репина и спросил, когда же они начнут прокладку коллектора под фанерным комбинатом. На что Репин ответил, что коллектор уж два дня как прошел. Обувщики тоже со страхом ждали аварии на своей территории, но и под обувной фабрикой «X Октябрь» прошли так же незаметно.

Самые тяжелые работы начались, когда выходили под улицу Депутатскую. От улицы 1 Мая до улицы Островского прошли более или менее сносно, а вот дальше, к проспекту Текстильщиков, начались неприятности. Дело в том, что Кострома стоит на бывшем болоте, подземных реках и озерах. Вдруг в шахту прорвался неконтролируемый и неостановимый поток подземной воды. Причем неизвестно откуда взявшийся. Процесс «щитовки» пришлось прекратить. Был трагический момент, когда я подумал, что надо прекращать работу вообще. Вода хлынула по всему диаметру шахты. Проходчики чудом остались живы, успев подняться на поверхность земли.

Анатолий Николаевич Репин меня потряс — он сказал, что все равно воду остановит и продолжит работу. Его рабочие пробурили скважины и откачивали воду, чтобы понизить ее уровень. Качали несколько месяцев — не помогло.

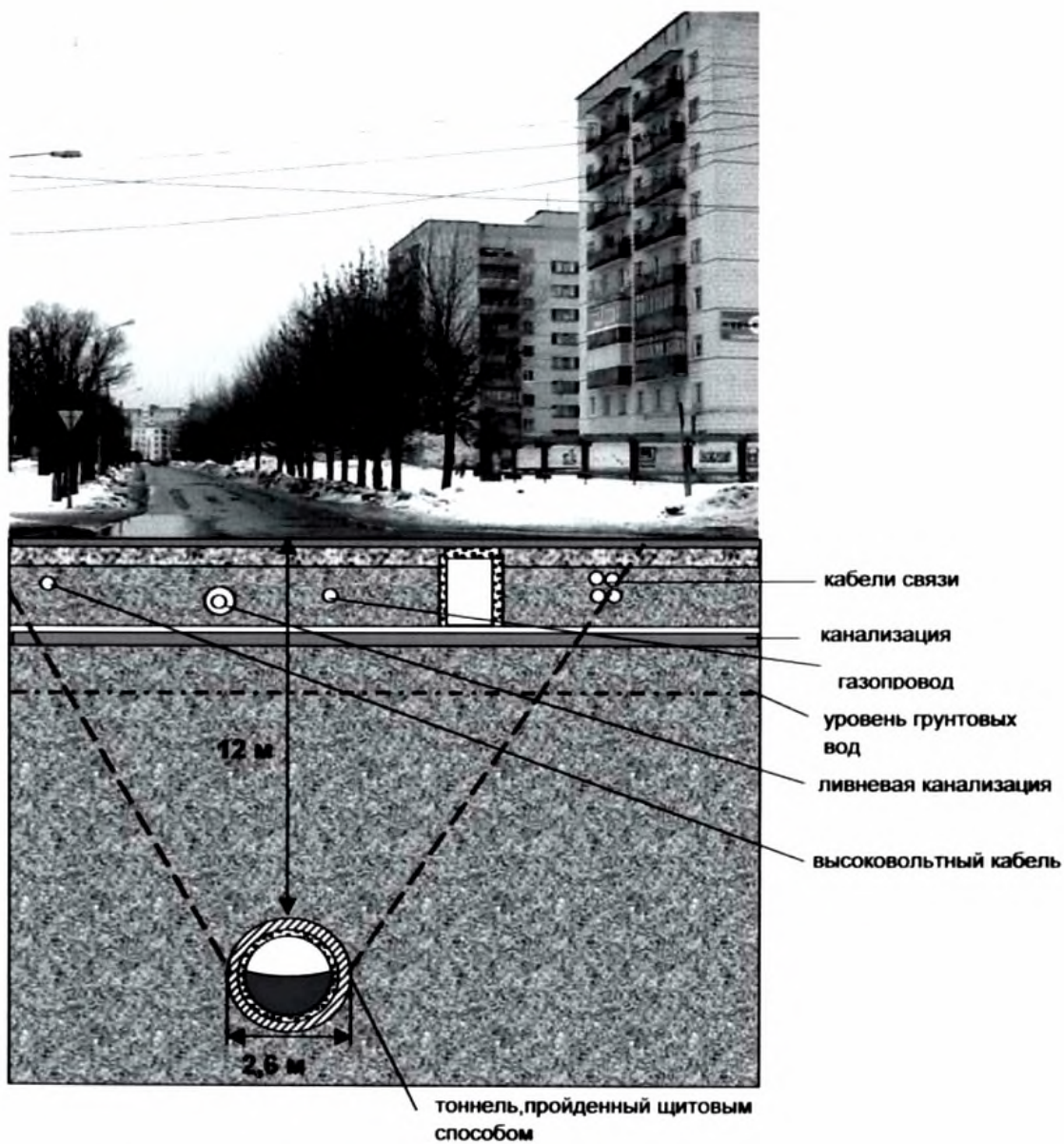

Схема расположения коллектора на улице Депутатской

*Валун, поднятый
с 12-метровой глубины*

Потом попробовали метод избыточного давления: нагнетали воздух, который «отжимал» воду из зоны производства работ, — не помогло. Наконец, применили спецгазы для заморозки грунтовой воды и таким образом сантиметр за сантиметром проходили труднейшие участки. Об этом я еще расскажу. На пути проходчиков попался огромный валун, его вытащили, и теперь рабочие хранят его как реликвию.

Под улицей Полянской мы переключили в новый коллектор весь квартал Текстильщиков и микрорайон Якиманиху. Этот коллектор буквально спас город. С его помощью мы выполнили задание обкома КПСС по застройке квартала «Волгальнопром», да и вообще обеспечили устойчивое канализование всего бывшего Ленинского района. Метод щитовой проходки помог нам и при новой прокладке коллектора канализации на Коркинские очистные сооружения.

Ведь прежний коллектор, который в свое время построил завод «Мотордеталь» от поселка Малышково до села Среднего, уже дышал на ладан. Бетон в нем разрушился, металл съела ржавчина, и, по существу, канализационные стоки шли просто в землю. Были аварии. В 1998 году дюкер обрушился, и все стоки никуда не шли, а растекались вокруг.

Если бы произошло еще одно обрушение, то это грозило бы загрязнением Волги, экологической катастрофой республиканского значения, а может быть, и мирового, поскольку Волга впадает в Каспийское море. Во всяком случае мы были бы вынуждены полностью прекратить водоснабжение Костромы. Выручил щитовой метод прокладки коллектора «Текстильщик».

Через несколько лет после сдачи коллектора в эксплуатацию я прошел его от начала до конца. И не увидел в трубе ни одной трещинки и вообще ничего свидетельствующего о том, что прошло время.

Главный крот Костромы Анатолий Репин

А. Репин с коллегами шахтерами-проходчиками

Анатолий Николаевич Репин, настоящий шахтер, главный человек на строительстве коллектора «Текстильщик», уже вошел в историю нашего города.

Родился Анатолий Николаевич 19 февраля 1941 года на Урале. В шестнадцать лет уехал в Кемерово и поступил на шахту. Начинал с таких специальностей, которых сейчас уже нет: сумконос, люковой. Сумконос — это рабочий, который носил по шахте взрывчатку за взрывником, а люковой — это тот, кто закрывал люки, когда из шахты поднималась нагруженная углем вагонетка.

Поступил в Кемеровский горный институт, окончил его и начал работать на инженерно-технических должностях:

вначале помощником горного мастера, потом дорос до главного технолога шахты. В то время в шахте работали в основном выходцы из мест не столь отдаленных. Репин много рассказывал об этом контингенте, но всегда попутно замечал, что эти люди многому в жизни его научили. Потом перебрался в Башкирию.

Анатолий Николаевич ценил знакомства. И использовал для этого все: поездки, застолья, заседания.

— Знакомство с новым человеком, — говорил он, — это новая работа, это поддержка.

Ради любимой работы он мог поехать хоть к черту на рога. В 1987 году на строительстве коллектора в Нижнем Новгороде (тогда еще Горьком) я и познакомился с Репиным. Мы быстро сговорились о том, что он вместе со своими ребятами (их было человек двадцать) поедет в Кострому строить крупный канализационный коллектор.

— Между прочим, — рассказывал бывший главный инженер репинской бригады Николай Федорович Ковальский, — в то время у нас были приглашения и из других городов: Саратова, Владимира. Но Репин выбрал Кострому. И мы стали собирать вещи. Сколотили ящики, в которые уложили все необходимое, начиная от болтов всех размеров, авторучки и листов бумаги. Репин вообще все планировал до мельчайших деталей, с такой пунктуальностью. Упаковка вещей не являлась исключением из его правил.

Ребята все дружные, за Репиным в огонь и воду шли. Он позовет — они за ним. Хоть в Нижний, хоть в Уфу, хоть в Кострому. На любое дело. Он к ним относился как строгий отец к детям: выгонял, ругал, но тех, кого ценил, прощал

за легкие провинности. Когда он начинал всех гонять — на него ворчали, ругались, но подходило время выбирать директора (у них тогда было общество с ограниченной ответственностью) — все равно выбирали Репина.

Выборы проходили ежегодно. Традиционно Репин отчитывался перед всем коллективом о том, что сделано, сколько денег получено и как эти деньги распределены. Потом вынимал из кармана ключи от своего кабинета, от складов, клал эти ключи на стол и говорил:

— Вот вам все ключи, я ухожу, чтобы вы не чувствовали никакого моего давления, никаких моих взглядов на вас. Думайте спокойно, когда будете выбирать. Обсуждайте. Вернусь через час.

Он возвращался — и все голосовали за него. Я такого, как Репин, только второго или максимум третьего человека встречаю. Ас, дока. К любой работе относился решительно, не боялся взять на себя ответственность за все: за здоровье людей, их жизнь, быт, за их зарплату, за технику. И взамен получал безграничное доверие. Если он ночью всех поднимал и звал на какую-нибудь срочную работу, например чтобы аварию устранить, — все бежали на его зов без лишних слов.

С приездом в Кострому Репина и репинцев в нашем городе начали отмечать День шахтера. Праздновали обычно у кого-нибудь в саду. Он приглашал всех, весь коллектив с женами и детьми. Покупали барана, резали, делали шашлыки. Он организовывал и поездки на Костромское водохранилище. И опять звал всех вместе с женами и детьми. Можно было только удивляться, как он все выносит, выдерживает: этих суматошных жен, крикливых детей, неудобства палаток?

У всех в Костроме сразу же появилась привычка (месяца хватило, чтобы привыкнуть): если на строительстве возникали трудности — шли к Анатолию Николаевичу. Вода, плывуны прорвались — к Анатолию Николаевичу. У нас в ту пору работали военные строители, тоже коллекторы строили, но и они чуть что, тоже бежали к Репину. Помню, в районе Черной речки прокладывали трубу и что-то у них стыки не получалось заделывать. Текут и всё. Пригласили Репина. Тот своих ребят привел, какой-то особый цемент достал, и заделали стыки.

В Костроме репинцы первоначально жили в гостинице «Кострома». Развернулись с работой за два дня: все у них было с собой. И начали строить коллектор. Горно-геологические условия оказались хуже некуда. Но начало работы не предвещало ничего плохого. В хорошем темпе проходили под землей по 120 метров в месяц, и вдруг однажды ночью — провал: плывун пошел. Рабочие успели убежать, но 300 метров тоннеля запечатало текущим песком, и он все шел и шел. На этом месте шахтеры простояли почти полтора года, работая, как волы. Вычерпывали песок, использовали и кессон, то есть нагнетали в землю воздух, и глубинное водопонижение — откачивали воду. Но ничего не помогало, пока не применили заморозку.

Был день, который чуть не стал последним днем в жизни шахтеров. Они решили обрести, укрепить провал, возникший в земле, железобетонными плитами и сделать колодец. Но тут прорвало близлежащую канализацию.

"Костромское метро"

Тоннель до и после отделки

Еле успели выйти из шахты: не прошло и пятнадцати минут, как все плиты сложились, как карточный домик. Восемнадцать «карточек», каждая из которых весила по 3,5 тонны.

— Помню, — рассказывал Ковальский, — мы стояли наверху, над громоздившимися друг на друга плитами, курили и у нас не только руки дрожали, но и колени.

Потом весь этот конгломерат, состоявший из металлической арматуры, бетона, грунтов, насыщенных прорвавшейся канализацией, рубили, вырезали, поднимали наверх и убирали. И вот впервые в России Репин решил применить здесь

замораживание «текущего» грунта аммиаком. Благодаря этому, наконец, сдвинулись с места.

Любой объект, который Анатолий Николаевич сдавал, он проверял лично. Ну, вы представляете, какие это объекты? Канализация в основном. А по правилам проверять ее надо только через 2–3 года после пуска. Это значит, что Репину всегда приходилось лезть в действующие канализационные трубы. Надевал резиновые штаны, куртку, каску на голову — и вперед!

На выходе, бывало, его товарищи уже стояли рядом с поливочной машиной, в которую всегда набирали подогретой воды. Как только Репин из трубы вылезал, его поливали из шланга с головы до ног и смывали все, что на него налипало. Часто на такие ревизии он брал с собой главного инженера Ковальского. Тот цеплял на себя кинокамеру, чтобы потом наверху провести наглядный отчет о состоянии трубы.

Во время экономической разрухи и неплатежей Репин никому из своих ребят не давал опускать руки. Когда из-за нехватки денег у городской администрации остановилось строительство главного коллектора, он начал искать работу на стороне. Брался за все, даже за мелочь, например за ремонт водопровода. Хотя для него такое дело было как семечки. Некоторым бабушкам, живущим в старых частных домах, он ремонтировал водопровод бесплатно. И в больницах ремонт коммуникаций делал бесплатно. А сколько он колодцев в городе переделал! Новую технологию внедрил: ставят его ребята железобетонное кольцо на колодец и копают внутри. На все чрезвычайные происшествия выезжал. И все делал. Его ООО «Костроматоннельстрой» можно было спокойно переименовать в подразделение по чрезвычайным ситуациям. Думаю, что сам Шойгу почел бы за честь работать с таким опытным отрядом.

Репин обижался только на то, что в Костроме строительные объекты распределяются не на конкурсной основе.

— Ну, почему я все время хожу в субподрядчиках, — возмущался он. — Все деньги генподрядчики забирают, а мне что достается?!

Но уехал он из Костромы не из-за денег, а потому, что проходки не стало. Он ведь определял, счастливо шахтопроходчик живет или не счастливо по тому, ведет он проходку или нет: ведет — значит живет счастливо, не ведет — значит не счастливо.

Однажды я был с Репиным в Москве на семинаре, где «Тоннельстрой» собирал специалистов со всей России. Вокруг Анатолия Николаевича сразу образовалась толпа народу. Я только слышал, как ему рассказывали: «Этот там работает, тот — там, проходка у них пошла. Ну, раз проходка пошла, то и ребятам повезло».

Уезжал Репин из Костромы так же быстро и решительно, как вообще делал все в жизни. Продал все, что у него было, пришел прощаться: в Калининград, сказал, уезжает, потому что там живет его семья. Я спросил, как там в Калининграде, есть ли тоннельный участок? Он ответил, что есть, но хуже, чем в Костроме, однако это неважно, а важно то, что работа есть. Вначале он хотел уйти на пенсию и

писал об этом из Калининграда. Но потом, видно, душа его не выдержала. Он сам пришел к начальнику калининградского «Тоннельстроя» и сказал:

— Бери меня хоть мастером, хоть кем. Я у тебя месяц поработаю, чтобы со всеми познакомиться, потом приду и скажу, на какой должности согласен работать и с каким окладом.

Много времени прошло, как мы расстались. Но я не изменил своего мнения о нем. И до сих пор считаю, что репинский потенциал ни в Уфе, ни в Нижнем, ни в Костроме не был использован полностью. Этот человек мог сделать гораздо больше.

Он как-то позвонил в Кострому своему другу Владимиру Ивановичу Дурандину:

— Зачем правительство России ругается с Советом Европы и с Литвой из-за Калининграда? Пусть даст мне миллиард — я прокопаю тоннель под всей Литвой, и народу можно будет ездить без виз и пропусков.

Сейчас начальником «Костроматоннельстроя» работает Николай Ковальский. Тот самый главный инженер, который цеплял на себя кинокамеру и лез вместе с Репиным в канализационный коллектор, чтобы проверить, все ли там в порядке. Мне нравится, как о Ковальском сказал человек, который его очень хорошо знает, — Владимир Иванович Дурандин:

— Отличный специалист, деловой, грамотный и как человек хороший. Но не Репин. Помните один старый фильм, где играют Мордюкова и Ульянов? Мордюкова говорит Ульянову: «Хороший ты мужик, но не орел!» Вот и я однажды Ковальскому сказал почти то же самое: «Хороший ты мужик, Николай Федорович, но не Репин».

— По существу, — вспоминает далее Ковальский, — Анатолий Николаевич не сахар и тем более не мед. Мужик он горячий, мог послать куда подальше. Но отходчивый. Раза два обежит вокруг стола и, смотришь, уже остыл. Мы работали с ним вместе шестнадцать лет. И все шестнадцать лет я был за ним, как за каменной стеной. И это давало мне возможность заниматься своим любимым делом — техникой. Теперь я директор «Костроматоннельстроя». Мы с ребятами ведем коллектор закрытым способом на Коркинские очистные сооружения. Никто на поверхности земли, как и раньше, не догадывается, что мы там, под землей, пробиваемся сантиметр за сантиметром. Меняем старые трубы, стенки которых из-за коррозии стали тоньше листа бумаги. Спешим, чтобы успеть до прорыва и закупорки коллектора. Ведь закупорка — значит прекращение подачи стоков на очистные сооружения, где без них могут погибнуть бактерии, которые очищают стоки. Роем с утра до вечера. Но несмотря ни на что, свято «соблюдаем пятницу». И сидим после бани вместе, выпиваем по 150 граммов, повторяя любимый репинский тост: «За нас с вами и черт с ними!»

— Я действительно не Репин, — подтверждает Ковальский. — Но таких как Репин — трое на миллион. Хотя многие черты Анатолия Николаевича я перенял. Но никогда мне не удастся так общаться с людьми, как умел он. Просто не дано. Я даже не знаю, в чем его секрет. Если б знал — перенял бы.

Подземные сети Юрия Погорелова и Виктора Иванова

Я хочу рассказать о двоих великих копателях, которые начинали рыть подземные коммуникации и фундаменты в нашем городе задолго до Репина. И задолго до того времени, как я начал работать. Позже судьба свела меня с этими людьми. Мы вместе работали, спорили, даже ссорились. Но никогда не переставали уважать друг друга.

Старший из них — Юрий Дмитриевич Погорелов. Родился в восьми километрах от Костромы, в Шунге. Но после окончания энергетического техникума уехал на Урал, в Свердловскую область, где восемь лет отработал электромехаником на химзаводе. Затем вернулся в Кострому и с 1956 года до самой пенсии работал в строительстве. «Великий копатель» — так бы я назвал Погорелова, потому что под его руководством в Костроме сделано больше половины всех фундаментов жилых домов.

Ю.Д. Погорелов

В 1956 году Юрий Дмитриевич начал работать в тресте «Костромастрой» при облисполкоме. Тогда мало было техники: на весь трест только 3 башенных крана, два из которых работали на строительстве областной больницы.

Землю под фундаменты копали в основном вручную. Потом в траншее закладывали бутовый камень, засыпали гравий и все это заливали раствором. К счастью, период ручной копки продлился недолго. В 60-е годы строительство начало развиваться бурно, для работ нулевого цикла начали создаваться участки управления механизации, стала поступать техника. Образовался совнархоз, который объединил разрозненные мелкие ПМК в управление строительных

Прокладка коммуникаций в микрорайоне Октябрьский

Строительство микрорайона Якиманиха

работ. И вот в этом управлении Погорелов стал главным инженером. Занимался прокладкой сетей. Нынешний начальник ОАО «Спецстроймеханизация» Альберт Павлович Яхонтов начинал у него механиком на бульдозерах, а потом, когда Погорелов стал начальником управления, Яхонтов занял должность главного инженера. Началось строительство микрорайонов Якиманиха, затем Давыдовский-1, Давыдовский-2, Паново, Юбилейный, Черноречье. Прокладывали в среднем по 50 километров водопроводных и канализационных сетей в год.

Семьдесят процентов сетей, имеющих на сегодняшний день в городе, построены в 60–70-х годах. Всем, кто работал в системе социалистического хозяйствования, должны быть знакомы два слова: «план» и «аврал». План — это работа, которая должна быть выполнена к определенному сроку, а аврал — это несколько недель и даже дней до намеченного срока, за которые выполняется вся оставшаяся невыполненной работа. В авральные дни вкалывали по-стахановски: по две — три нормы в смену и по 12 часов в сутки и целыми сутками.

— Разные бывали авралы, — рассказывал мне Юрий Дмитриевич, — но такого аврала, какой объявили за день до планового окончания работ по укладке стальной трубы «восьмисотки» вокруг «сковородки», не припомню. К «восьмисотке» должны были подсоединить все водопроводы города. И вот представьте

Строительство микрорайона Давыдовский

Строительная династия Яхонтовых: Владимир Альбертович, Альберт Павлович, Вячеслав Павлович

себе ситуацию: до ввода этого сооружения в действие остается день и ночь, а работы там на три дня и три ночи.

Казалось бы, что такого, если опоздают на два дня? Ничего. Но я опять-таки прошу вспомнить недалеко отошедшие от нас по времени советские традиции сдавать главные народно-хозяйственные объекты к великим праздникам. Так, к 1 мая должны были закончить работы по прокладке водосетей вокруг «сковородки». Мало того, к 1 мая площадь должны были утрамбовать, заасфальтировать, и все это должно было просохнуть к началу демонстрации.

Погорелов согнал в центр города всех лучших рабочих, кого только мог: ведь еще надо было все трубы соединить с «восьмисоткой», опрессовать, заизолировать, а потом уж засыпать. Все маленькие и большие начальники работали вместе со всеми на этом участке весь день и всю ночь. И даже зампред горисполкома Широков работал. Рано утром 30 апреля пошли домой, а им навстречу уже шли к «сковородке» дорожники, чтобы все засыпать и заасфальтировать.

На следующий день по площади уже прошла демонстрация трудящихся города под красными знаменами и лозунгами «Мир! Труд! Май!».

Почему тогда затянули ввод? Да потому, что прокладка труб в земле — всегда непредсказуемое дело: никогда наперед не знаешь, что там тебя ждет.

Тогда, копая вокруг «сковородки», наткнулись на старую ливневую канализацию из фанеры. Сейчас, наверное, трудно себе представить, что фанерная труба могла сохраниться (местами, правда) аж с дореволюционных времен. Там же нашли и водопровод — старый, деревянный. Естественно, при таких находках работу экскаватора приходилось ограничивать: исторические ценности, как-никак, нельзя же их с землей перемешивать!

Костромские строители на Первомайской демонстрации

(льнокомбинатами имени Ленина, Зворыкина, фабрикой имени Октябрьской революции) натыкались на чугунные водопроводы.

Первые свайные фундаменты в Костроме под руководством Юрия Дмитриевича Погорелова сделали в конце 60-х годов в Черноречье. Кто-то ему подсказал, что учиться бить сваи надо ехать в Ленинград, где все на сваях. Туда за опытом Погорелов послал начальника планового отдела УСР Льва Николаевича Андреева. Андреев там досконально все «срисовал». Ленинградские строители посоветовали ему при забивке свай не применять дизель-молоты: энергия забивки у них низкая, к тому же они капризные и ненадежные в эксплуатации.

По совету ленинградцев погореловцы применяли механический молот. Отлили стальную «бабу», подвесили ее на трос к стреле экскаватора, а потом поднимали и бросали на «голову» сваи. Просто и надежно. Если грунты слабые — свая забивалась буквально в несколько ударов. Через несколько дней делали по ней контрольные удары. Обычно грунт очень хорошо уплотнялся вокруг сваи,

"Славным костромским строителям праздничный Первомайский привет! Ура..."

*Ю.Д. Погорелов принимает работу у своих субподрядчиков ССО "Атланд"
(справа мастер Э. Магергут)*

и она уже не двигалась вниз ни на один сантиметр. Потом стали применять конусные сваи, у которых несущая способность выше, так как они при забивке уплотняют грунт еще сильнее.

В районе льнокомбината имени Ленина 12-метровые сваи забивали с трех ударов; ударяли молотом, а потом смотрели: молот — вверх, свая — вниз. Казалось, она идет в грунт, как в масло, и никакие стены на ней не удержатся. Но на следующий день приходили, смотрели: эту сваю уже было с места не сдвинуть и, сколько ни бей по ней, она в землю уже не идет, срывает так называемый эффект засасывания.

Перед тем как начать застраивать многоэтажками улицу Ивана Сусанина, проектный институт разработал документацию, в которой предусматривалось поставить дома на 18-метровые и даже 24-метровые сваи. Дело в том, что под этой улицей на глубине около пятнадцати метров находятся древние озера, заросшие торфом. И главный инженер проектного института Константин Николаевич Лиманцев принял решение эти торфы пройти свайными фундаментами.

«Кроты», которыми в это время уже руководил Яхонтов, были не согласны с этим делом, считали, что такие огромные сваи — только лишняя головная боль для строителей, и что вполне можно обойтись обычными. Но Лиманцев настоял на своем. Пришлось раскошелиться на установку лидерного бурения — сборные 18–24-метровые сваи без бурения в грунт не забьешь. Но, как говорится, нет худа без добра: в Костроме с тех пор освоили установку лидерного бурения. А первые дома на сваях около 20 метров длиной стоят теперь в районе магазина для молодоженов.

Второй из «великих копателей» — Виктор Павлович Иванов — в Костроме живет с десятилетнего возраста. Окончил автодорожный техникум, затем Костромской сельхозинститут по специальности «Промышленное строительство». И вот с тех пор, с 60-х годов, образно говоря, как зарылся в землю под Костромой, так и вылез из нее лишь в 1991 году. Начал с маленькой должности мастера, а закончил высокой должностью главного инженера треста «Спецстроймеханизация».

В 1991 году трест был расформирован. И с тех пор, по словам Виктора Павловича, закончилась его государственная служба и началась частная работа: Иванов стал директором частной строительной фирмы «Полиатива». Вроде бы все у человека есть: и прибыль, и любимое дело. А чувствую, что тоскует он по тресту, по размаху и масштабу былой работы. Сказал как-то ему об этом:

— Ну, нет больше твоего треста, не тоскуй. Зато у тебя частная фирма. Ты — хозяин.

Иванов почти обиделся:

— А кто, по-твоему, такую массу людей будет из «хрущевки» переселять? Частные фирмы? А время-то пришло: «хрущевки» скоро валиться начнут.

Виктор Павлович считает, что расформирование треста нанесло вред всему строительству. Я с ним полностью согласен. Ни одной частной фирме эту работу не поднять. Нужна крупная государственная строительная организация. На худой конец, муниципальная. С техникой, технологиями, деньгами.

Виктор Павлович полагает, что больше всего пропадает государственных денег на госзаказах частным фирмам, потому что тендеры — это условно. Поэто-

В.П. Иванов

Испытание новой техники — установка по вытрамбовыванию фундаментов, 1984 год

му, как хозяин частной фирмы, он принципиально не работает с государственными учреждениями.

Он, как никто другой, умеет рассказывать о своей работе. Причем всегда рассказывает весело, иронично, интересно. Даже о самом прозаичном. Но больше всего я люблю слушать о том, какие потрясающие вещи он и его люди находили под землей. На территории льнокомбината имени Ленина (ныне Большой Костромской льняной мануфактуры) обнаружили свинцовые трубы. Отрыл их из земли начальник участка Николай Васильевич Вагичев. Кстати, с Николаем мы учились вместе в школе. Не зная, что предпринять, он бегал по территории, спрашивал работников комбината, под давлением или не под давлением трубы, то есть неработающий ли это водопровод. Но все ему отвечали одно и то же: «Да бросьте вы сомневаться, как он может быть работающим, это же такая древность!»

Н.В. Вагичев

Вагичев подцепил свинцовую трубу экскаватором, чтобы вытащить, освободить место для новых труб. И что бы вы думали? Весь комбинат остановился без воды: оказывается, эта «древность» была действующим водопроводом, исправно работала, питала весь комбинат, просто никто об этом не подозревал! Началась прямо-таки паника: никто не знал, где у «древности» находится задвижка, чтобы перекрыть ее. Совместными усилиями с администрацией комбината нашли одного старого деда, который работал на этом предприятии в 30-е годы. Дед пришел и показал, в каком месте надо рыть, чтобы найти задвижку.

В 60-е годы, когда вместе с началом бурного строительства жилья стали реконструировать коммуникации на территориях предприятий, найти старый водопровод было привычным делом. Никто из нас этому уже не удивлялся. Однако случались и совершенно удивительные находки. К примеру, в районе проспекта Текстильщиков откопали несколько широких и длинных слоев обрезков кожи, очень утрамбованных. Видимо, в этом месте когда-то была дорога, которую несколько лет подряд подсыпали кожаными обрезками работающие неподалеку артели кожевников.

К сожалению, основатель Костромы Юрий Долгорукий не мог предвидеть, сколько мучений испытают под этим городом строители водопроводов и канализационных коллекторов. Знал бы — не остановился бы на болотистом волжском берегу и не стал бы закладывать город. Но, как говорится, что сделано, то сделано: остановился, основал. А нам жить и бороться с подземными водами и песками-пльвунами. Ведь под Костромой попадались такие участки, которые не поддавались осушению. Так было, в частности, при строительстве коллектора завода «Луч». Заложили шахту, прошли метров шесть и ничего не могли сделать с хлынувшей водой. Так и бросили, ушли оттуда.

Наплавной переход через р. Кострому в районе Большой Костромской льняной мануфактуры, 19 век

Рядом со зворыкинским детским садом боролись с водой и текущими песками 7 месяцев.

— Помню, трубу кладем, — рассказывал мне Иванов, — она уходит вниз, другую кладем — и другая уходит... Новую школу из-за этого сдать не могли. Полгода откачивали воду, пока грунт стабилизировался и дал нам возможность потихоньку выйти из этого района. В 5 часов утра 31 августа доложили в горисполком о том, что наконец-то труба не ушла под землю, а твердо встала на свое место. 1 сентября открыли новую школу и прозвенел первый звонок.

На улице Русиной (ныне Советской), 19 век

Строительство очистных сооружений, водопровода на улице 1 Мая. Слева монтаж опускаемого колодца станции 1-го подъема

Микрорайон Якиманиха стоит полностью на болоте. Прежде чем этот микрорайон застраивать, проложили ливневый коллектор, потом к нему подвели дренажи, а уж после всего этого начали прокладывать остальные коммуникации.

— Я только начинал мастером работать в управлении строительных работ, — вспоминает Виктор Павлович. — Пошел однажды к Юрию Дмитриевичу Погорелову в бытовку и провалился по грудь в болото. Дело зимой было, мороз стоял больше тридцати градусов, но торфяное болото не замерзало, там и ключи били.

Там постоянно вся водопонижающая техника УСР работала. Механиком участка был Александр Тараканов. Лет пять он из Якиманихи воду качал. Сколько кубов выкачал — даже подсчитать невозможно: космические цифры! Можно было плюнуть и ничего не строить на этом гиблом месте. Но город должен был расти, развиваться. Искать место еще дальше от центра, чем Якиманиха, можно было, но тогда возникла бы проблема с транспортом. А чем дальше ездить городскому транспорту, тем дороже. Да еще и канализацию потребовалось бы туда дотянуть. А это снова огромные деньги.

Микрорайон Давыдовский закладывали в 1975 году. И пока там строители возводили первые три пятиэтажных дома, «кроты» закладывали сети по всему району: теплотрассу к ТЭЦ-2, коллекторы, телефонную канализацию из 16 телефонных «ниток».

А какие моря пота и крови были пролиты в районе Черной речки! А сколько мучились с установкой дренажных насосных станций! Одна из них, в районе улицы Депутатской, зависала, то есть не шла вниз. Пришлось ее опускать силой, догружать. Другая, что в районе полей фильтрации Коркинских очистных

Застройка микрорайона Давыдовский

сооружений, напротив, не останавливаясь, шла и шла вниз. Пришлось срочно привозить сваебойку, забивать сваи с обеих сторон станции, стальную балку опереть на эти сваи и подвесить станцию к этой балке. Только тогда она остановилась. Потом мы месяца два устраивали в ней днище, пливун не давал это делать. Когда все устроили, посмотрели снаружи: такая безобидная, маленькая будочка из-под земли выглядывает, и не подумаешь, что она могла причинить столько хлопот.

Все городские сети прокладывали в основном в 1970-х годах. Срок жизни стальных труб — 25 лет. Последние десять лет на ремонт и замену сетей не было средств. А в 80-е годы все средства направлялись на новое строительство. Ведь никто не предполагал, что в 90-е годы жизнь всей страны изменится так круто.

Если бы по канализационным трубам текли нефть или газ, то они давно были бы приватизированы и, конечно же, вовремя заменялись и ремонтировались. Но, увы, содержимое канализационных труб пока что не вызывает интереса ни у олигархов, ни у простых предпринимателей.

Сейчас многие задвижки на водопроводных сетях закрыть невозможно — прожавели. В результате, если где-то трубу прорвет, воду отключают у половины города.

Руководители строительных организаций области – слушатели университета Марксизма-Ленинизма, 1970-е годы. В центре секретарь горкома КПСС Э.В. Авхимков и заведующий отделом строительства С.М. Второва

Что касается теплотрасс, то они «живут» еще меньше, чем водопровод и канализация: из-за горячей воды трубы поддаются коррозии быстрее. Многие ветераны-строители с грустью вспоминают годы активного строительства инженерных сетей и сооружений в городе, прежний масштаб гражданского строительства.

Время Флорентьева: демократия в разгар диктатуры

Мне повезло работать в те годы с Николаем Степановичем Тихомировым, Вольдемаром Петровичем Голубевым, Виталием Федотовичем Широковым, Альвином Евстафьевичем Ерёминым, Станиславом Феликсовичем Милевским, Павлом Терентьевичем Задорожным, Владимиром Ивановичем Тороповым, Владленом Александровичем Голландом, Юрием Федоровичем Цикуновым, Александром Ивановичем Голубковым и многими другими. Спасибо им.

Но были руководители, о которых я много слышал и с которыми встречался, когда они уже работали на других должностях. Эти люди делали историю Костромского края. И, несомненно, повлияли на стиль работы всех, кто пришел на руководящие посты в городе и области позже. Один из них – секретарь обкома КПСС Леонид Яковлевич Флорентьев.

Встреча с бывшими секретарями обкома КПСС Л.Я. Флорентьевым и Б.С. Архиповым

Леонида Яковлевича не стало в феврале 2003 года. Можно удивляться, возмущаться, но факт: большинству молодых костромичей эта фамилия ни о чем не говорит.

– А кто такой? – спрашивают. – А-а, бывший первый секретарь обкома партии, значит, главный партократ.

Мой старый друг, когда услышал такое от своего внука, заплакал.

– Вот, – говорит, – какое время пришло, чистый большевизм: что вдолбили молодым в головы, то они и повторяют...

– А ты расскажи внуку, что этот партократ Флорентьев самого Хрущева вежливо посылал куда подальше, – посоветовал я.

– Так ведь внук и Хрущева не знает, – сокрушенно вздохнул друг. – Хотя, когда по моей просьбе в Интернет заглянул, то сказал: «По последним данным, могила твоего Хрущева одна из самых посещаемых в Москве».

Вот во время правления Никиты Сергеевича Хрущева, могила которого сейчас одна из самых посещаемых, у нас в Костромской области и работал первым секретарем обкома КПСС Леонид Яковлевич Флорентьев.

Это было время волонтаризма. Имея в полном подчинении всю страну, Хрущев что хотел, то и делал. Например, заставлял сеять теплолюбивую кукурузу во всех областях, в том числе и в Костромской. Или отправлять в села из городов тысячи человек руководителями колхозов, совхозов, невзирая на то, что эти люди никогда не были связаны с сельским хозяйством.

Флорентьев понимал: если он не станет выполнять абсурдные решения Хрущева, то потеряет должность и вряд ли потом поднимется, а если будет выполнять, то загонит всю область в такую бедность, из которой она не выберется.

Потрясающий факт: Флорентьеву удалось и остаться во главе области, и не выполнять абсурдные указания Кремля.

Николай Иванович Березкин, бывший директор одного из совхозов Антроповского района, рассказывал, как Флорентьев приезжал к нему в хозяйство:

— Везде ездил, все смотрел. Но никогда не обращал внимания, есть ли кукуруза, нет ли кукурузы. Вроде бы не замечал. И все понимали: сеять ее необязательно.

Еще лучше «выкручивался» председатель колхоза «Россия» Судиславского района Борис Никандрович Лебедев. Он делал вид, что изо всех сил сеет кукурузу на больших площадях. Только невезуха постоянно его преследует: то грачи все кукурузные поля выклюют, то град выбьет, то ливень смое. Тут же председатель оформлял все это дело соответствующими бумагами, списывал и под видом неудавшихся посевов кукурузы

П.А. Малинина любила кукурузу

получал чистые пары. Чистые пары в ту пору тоже запрещалось оставлять, поэтому приходилось ежегодно засеивать все площади, не давая земле отдохнуть, что при нехватке удобрений приводило к потере урожая. А у Лебедева все время оказывался чистый пар, который он засеивал по осени рожью и получал хороший урожай.

Флорентьев делал вид, что верит в небесный бермудский треугольник над лебедевскими кукурузными полями. А ЦК партии во главе с Хрущевым решал в ту пору не только, где выращивать кукурузу, но и вообще все: например, когда повсеместно начинать сев, когда косить траву, когда убирать хлеб, из чего делать силос, а из чего — сено.

Н.И. Березкин

Б.Н. Лебедев

Л.Я. Флорентьев на очередном съезде КПСС

По словам Александра Ивановича Голубкова, который во времена Флорентьева занимал в Костроме разные посты, вплоть до заместителя главы горисполкома, Леонид Яковлевич никогда не оглядывался на начальственные окрики из Москвы. Он судил обо всем только по результатам. Костромская область стала выходить вперед по производству молока и мяса. Жизнь устаканилась. Кремль давал указания, Флорентьев «брал под козырек», мол, выполним. А делал то, что считал нужным.

В те годы в Костроме при участии коллективов предприятий реконструировали и озеленили набережные Волги, построили стадион «Спартак», трибуны которого в дни соревнований до отказа заполнялись народом. А команда «Спартак» вышла в полуфинал розыгрыша Кубка СССР по футболу.

Начало строительства стадиона "Спартак" в Костроме

Построили телевышку, и Кострома стала смотреть Центральное телевидение. Стали строить поселки Первомайский и Октябрьский. Тут Флорентьев взял на вооружение опыт горьковчан: нуждающихся в жилье освобождали от основной работы на предприятиях (с выплатой средней зарплаты) и отправляли на строительство собственных домов. Причем всех работников партийного и советского аппарата города (партократов, по-нынешнему) Флорентьев закрепил за каким-либо объектом жилищного строительства.

Флорентьев весь год и до переезда в Москву жил в старом деревянном одноэтажном домике по Кадыевскому переулку и ходил на работу пешком.

— Я видел Флорентьева всего год назад в Москве, в представительстве Костромской области на Арбате. Ему исполнился 91 год, — рассказывал мой заместитель Вячеслав Готлибович Рейх. — Леонид Яковлевич говорил двадцать минут. Четко, спокойно, интеллигентно. Он потряс меня логикой и замечательной памятью. И выглядел великолепно: довольно упитанный, живой, ходил абсолютно прямо. Приехал на общественном транспорте и уехал на общественном транспорте. Знаете, о чем я подумал тогда? Если бы не все, а хотя бы половина руководителей-коммунистов была такой, как Флорентьев, то Советский Союз не развалился бы никогда.

Даже когда Флорентьев уже уехал в Москву, в Костроме осталось то, что появилось при нем: каждый талантливый человек мог найти себе нишу, где он мог быть свободным и работать, не оглядываясь на могущественную КПСС.

В принципе все, кто хорошо знал свое дело, могли позволить себе быть свободными. Даже совсем простые люди, такие как, например, Алексей Иванович Сиротин. Алексей Иванович родился в Костроме, в 1949 году окончил четыре класса начальной школы. В 1955-м пришел работать в дорожно-монтажную контору мотористом, а потом его перевели машинистом асфальтоукладчика.

Дорожно-мостовая контора до 2003 года четырежды меняла свое название: становилась то трестом, то дорожно-строительным управлением, то ОАО «Костромадорстрой», то ОАО «ДСУ», а Сиротин продолжал укатывать асфальт своим катком. В его трудовой книжке две записи: в 1955 году принят на работу, а в 2003-м исключен из списков предприятия в связи со смертью. Так и умер на асфальтоукладчике.

Асфальтировщики ДСУ (в центре А.И. Сиротин)

Алексей Иванович был мастер, каких мало. Никогда за страх не работал. Всегда только за совесть. С ним связана одна любопытная история. Приближался юбилей (какой, не помню точно) поселка Каравеево. И нам, горкомхозу, поручили благо-

Делегация польских друзей на аллее дважды Героев Социалистического Труда в пос. Каравеево
устройство территории возле караваевского Дома культуры и на аллее памятников дважды Героям Социалистического Труда. Мы там меняли проезды, ставили гранитный бордюр. А Юрий Николаевич Баландин, бывший в ту пору первым секретарем Костромского обкома коммунистической партии, решил проверить эту стройку.

Ю.Н. Баландин

Если сказать, что Баландин был грозой всей области, то еще ничего не сказать. Очень своенравный был человек, требовал беспрекословного подчинения, перед ним все директора заводов, председатели колхозов и начальники управлений вытягивались в струнку. И надо же было такому случиться, что подошел он к Сиротину. И по привычке начал его учить: мол, не так укладываешь бордюр, не так укладываешь асфальт. А Сиротин мало того, что не вскочил и не вытянулся в струнку перед Баландиным, а послал его на три буквы и продолжал работать, как работал.

Это было что-то невероятное. Тут же на место неповиновения вызвали прораба Бориса Сергеевича Филиппова, который получил указание немедленно убрать, то есть уволить строптивного машиниста асфальтоукладчика.

Филиппов сразу понял, что увольнять Сиротина не за что, что он все делал правильно, технологию не нарушал, и спустил дело на тормозах.

Всем чиновникам, приехавшим вместе с Баландиным, было сказано, что машинист ошибся, принял первого секретаря обкома за простого мужика. В это мало кто поверил: Баландин ездил с мигалками, простые мужики так не ездили, да и выглядел по-другому, чем обычные работяги. Но все сделали вид, что так оно и есть. А Филиппов, когда потом областные начальники приезжали на его объекты, убирал Сиротина с их глаз.

Площадь Широкова

Сегодня городская площадь, которая раньше называлась Привокзальной, имеет новое название – площадь Широкова. Вокзал большой, новый, современный, красивый. Площадь небольшая, но тоже красивая. Теперь каждый из приезжающих в Кострому видит табличку с названием площади.

На моей памяти в Костромской области было два крупных чиновника, к характеристике которых можно без натяжки добавить слово «личность». Один из них – первый секретарь обкома компартии Леонид Яковлевич Флорентьев, второй – председатель горисполкома Виталий Федотович Широков.

Оба они оказывали сильнейшее влияние на всех, кто с ними сталкивался, и многое изменили в области. О Флорентьеве я уже рассказывал. Теперь хочу рассказать о Широкове.

В.Ф. Широков

Гордость всех костромичей – красавец мост через реку Волгу

Виталий Федотович стал известен в те времена, когда работал председателем горисполкома и заместителем председателя облисполкома. При нем начались и шли самые большие стройки. Строились заводы «Мотордеталь», электроприборный, электромеханический, механический, мост через Волгу, универмаг «Кострома», жилые микрорайоны Паново и Давыдовский, Коркинские очистные сооружения, цирк, филармония, 1-я горбольница, дорожные развязки, коллекторы коммуникаций, был реконструирован льнокомбинат имени В.И. Ленина. При нем пущены троллейбусы, реконструированы многие улицы. Кострома приобрела современный вид именно при Широкове.

А ведь он еще и по области начал большие стройки: биохимзавод в Мантурове, Шуваловская свинофабрика, телочник, Высоковский тепличный комбинат, стадион «Урожай» в Караваеве.

В своем кабинете Виталий Федотович бывал только для того, чтобы провести планерку. Даст поручения — и в дорогу. Все время в разъездах, в поиске, в реализации конкретных дел.

Все говорили, что нет в Костромской области гравия. А он привез геодезистов из другого города, и они целое лето искали и нашли прекрасное месторождение гравия в Судиславском районе.

Впечатление было такое, что у Широкова имеется десяток двойников, потому что один он физически не мог успеть везде. Но успевал.

Тогда применяли так называемый метод народной стройки. Это значит, что на крупные объекты, такие как тепличный, ГРЭС, биохимзавод, стадион и другие, направляли строителей (да и не только строителей) почти все предприятия и организации области. Причем все командированные на народную стройку получали зарплату по основному месту работы. Для того чтобы координировать работу такой разношерстной массы народа, на стройках организовывали «штабы». В штабах каждое утро собирались представители областной и городской власти, руководители предприятий — участников стройки и сами строители. Каждый день недели Широков посвящал какой-нибудь важной стройке. Например, по четвергам он в 4 утра уезжал на Мантуровский биохимзавод и мог работать там целый день. А на строительство Высоковского тепличного комбината Широков приезжал по два — три раза в неделю: помогал своему другу, секретарю горкома партии Тихомирову, за которым была закреплена эта стройка. Вдвоем они и вытащили «Высоковский».

Если бы не Виталий Федотович Широков, у нас в области сегодня не было бы тепличного комбината в Высокове. Там же болото стояло! В то место, чтобы засыпать болото, понадобилось привезти 400 тысяч кубометров грунта, а мо-

*В коллективе проектировщиков института
"Костромагражданпроект"*

жет, и больше. Одной организации это не под силу. Где людей взять, где взять технику? В Костроме в то время были десятки различных строительных управлений, но все они принадлежали разным ведомствам.

И вот для того, чтобы всех объединить в один мощный стройотряд и бросить на решение задачи областного масштаба, Широков придумал областные учения по гражданской обороне. Учения эти он объявил обязательными для всех организаций, где работали строители и имелся грузовой транспорт и экскаваторы. Об этом интересно рассказал мне Виктор Павлович Иванов, работавший в то время старшим прорабом треста «Спецстроймеханизация»:

Учения гражданской обороны на строительстве тепличного комбината

— Наш трест практически являлся в ту пору штабом гражданской обороны, то есть штабом работ по засыпке болота под тепличник. К нам стекалось все: специалисты, техника, средства. Для всех, кто участвовал в «учениях», мы организовывали бесплатный транспорт для доставки к месту «учений», бесплатную заправку техники, кормили завтраком, обедом, ужином и официально платили зарплату. Все областное начальство знало, что фактически вместо учений по гражданской обороне, объявленных Широковым, в Высокове народ работает на засыпке болота в две смены, с темна до темна. А первый секретарь обкома партии Юрий Николаевич Баландин даже сам неоднократно приезжал на место «учений».

Помню, вспоминал Виктор Павлович, на засыпке грунта сидели мы с Владимиром Викторовичем Ситниковым, отцом нынешнего генерального директора тепличного комбината «Высоковский», и очень хорошо познакомились. Я был начальником «учений», а он — директором строящихся теплиц. Уже темнело,

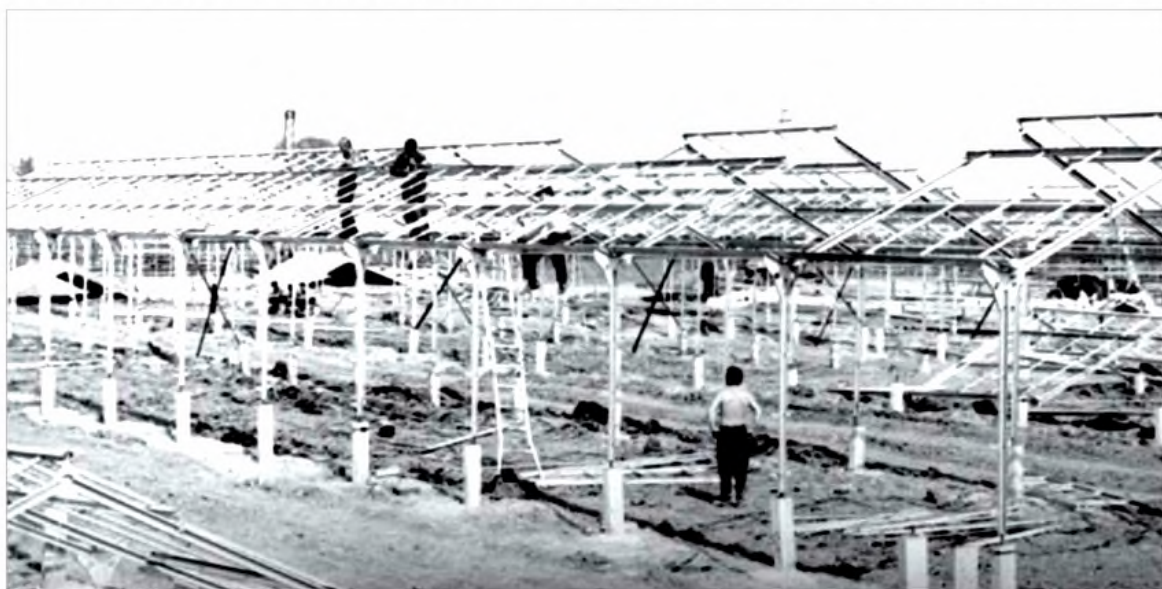
но грузовики все шли и шли (землю взяли из Семенково), урчали тракторы, вытаскивавшие застрявшие машины.

— Слушай, — говорил он мне с удивлением, — неужели здесь действительно что-то будет? Тут же человека трясина может затянуть?

— Ладно, — отвечал я, — в конце месяца поглядим.

Каждый день шестнадцать грузовиков, пятнадцать бульдозеров, десять экскаваторов возили, рыли, трамбовали грунт.

Через месяц нулевой цикл — отсыпку — закончили. Строители и техника разъехались по своим организациям. Только Широков остался здесь. Вместо болота появился ровный участок. И Виталий Федотович организовал здесь так называемую «народную» стройку самого тепличного комбината, в которой опять-

Строительство тепличного комбината

В.В. Ситников с первой продукцией комбината

таки стали участвовать почти все заводы, фабрики и организации. Таким образом были построены и Шуваловская свинофабрика, и Коркинские очистные сооружения, и еще много чего хорошего и нужного.

Виталий Федотович помогал и по дружбе, и по долгу, и по просьбе – он помогал всем, кто занимался серьезным делом. При Баландине была такая организация, которая строила крупные объекты на селе, – «Облколхозстройобъединение». Возглавлял его Барановский, хороший друг Баландина. И когда у Барановского что-то не получалось, то

Ю.М. Барановский знакомит с продукцией сельского строительного комбината

Баландин всегда просил Широкова помочь ему. Виталий Федотович помогал несмотря на то, что отношения у него с Баландиным были очень натянутыми.

Только Широков и архитектор Рыбникова активно, во всеуслышание выступили против строительства в центре города хлебокомбината (он теперь называется ОАО «Костромахлеб»). Первоначально у Широкова была мысль построить здесь кинотеатр «Россия». А вот хлебокомбинат вынести на то место, где теперь построен кинотеатр. Но тогдашний первый секретарь обкома партии Скулков по каким-то одному ему известным причинам настоял на том, чтобы хлебокомбинат построили в центре. На все возражения Широкова он отвечал: «В центре будет хлебом пахнуть, что же тут плохого?»

Авторы монумента Славы на площади Мира (слева направо): скульптор М. Бабурин, главный архитектор города Н. Рыбникова, архитекторы Г. Левицкая, Е. Кутырев. 1972 год

Идея пустить в Костроме троллейбус была широковской. Обком партии хотел ограничиться автобусами, но Виталий Федотович настоял на своем. Потому что в то время автобусы из города постоянно забирали на какие-то нужды сельского хозяйства либо на стройки.

— А если пустим троллейбусы по городским улицам, — говорил Широков, — посадим их на провода, то уж с проводов-то их у нас никто не умыкнет.

По плану троллейбус в Костроме должны были пустить в 1980 году. Но Виталий Федотович успел раньше, и костромичи сели в первый троллейбус уже в 1976 году.

Идет обкатка первого троллейбусного маршрута в Костроме

Мне пришлось, а вернее сказать, посчастливилось участвовать в практическом решении идеи Широкова — в строительстве троллейбусного депо и пуске всех троллейбусных маршрутов. Главная трудность, с которой я тогда встретился, — нехватка материалов. Приходилось бегать по предприятиям и просить то, что у них есть на складах лишнего: кабели, трубы, «уголок» и прочее. Но предприятия не хотели расставаться ни с чем.

Митинг по случаю открытия первого троллейбусного маршрута в Костроме

Чтобы сегодня было понятно, почему мы имели право брать материалы на предприятиях, хочу напомнить, что до приватизации и возникновения акционерных обществ все предприятия были государственной социалистической собственностью. А значит, излишками материальных ресурсов надо было делиться. Но кто ж хотел добровольно делиться? Никто.

Спрашиваю, к примеру, директора завода, есть ли у него на складах кабель? «Нет, — отвечает, — самим не хватает». И вот тогда мы с Александром Николаевичем Козловым, директором строящегося троллейбусного управления, стали тайком проникать на предприятия, буквально лазить через заборы к складам и площадкам, где хранились материальные ресурсы. Находили, что нам нужно, — металл, трубы для опор, кабель — а потом директора этого предприятия приглашали в штаб стро-

ительства и спрашивали по всей строгости за то, что он скрыл излишки. Так вот и получали материалы.

Я, в то время главный инженер горкомхоза, заканчивал строительство троллейбусного депо и всех тяговых подстанций, занимался монтажом контактной сети, установкой опор. Мне посчастливилось открывать все троллейбусные маршруты.

Как сейчас помню, открывали первый маршрут «Троллейбусное депо – Железнодорожный вокзал». Все проходило очень торжественно, народу собралось, как на праздничной демонстрации, движение по проспекту Мира перекрыли. День был январский, морозный – минус 27 градусов. Все окоченели,

Первый троллейбус на улице Советской

В.Ф. Широков и В.Н. Плетнева открывают первый троллейбусный маршрут

пока шел торжественный митинг. Все ждали с нетерпением, когда закончатся речи, чтобы броситься в салон троллейбуса и погреться. Потом все рванули в него, сели, а там, оказывается, подогрева еще не было. Но нас в салон набилось много, надышали и согрелись. Люди встречали первый троллейбус, как космический корабль. Все нам махали руками, кричали.

В Костроме Виталия Федотовича знали все. Причем артисты драмтеатра имени Островского, к примеру, считали, что Широков в первую очередь заботится о них, спортсмены считали, что он больше всего думает о них, строители утверждали, что о них, врачи говорили, что Широков ни к кому так хорошо не относится, как к ним.

Владимир Константинович Сорокин, бывший председатель физкультурно-спортивного общества «Спартак», рассказывал мне, что Виталий Федотович всегда говорил своим подчиненным: у нас в городе самый главный газон – это футбольное поле. В области не было денег на спорт. Поэтому Широков вызывал строителей прямо на стадион и распределял работу практически в приказном порядке. Ремучастку – покрасить западную трибуну, дорожникам – восточную, и так далее. И никто, как говорится, не возникал, все подчинялись беспрекословно.

Благодарность от первого секретаря обкома КПСС Ю.Н. Баландина

Сам же Широков (по крайней мере, создавалось такое впечатление) не подчинялся никому, кроме первого секретаря обкома партии. Ему просто некогда было подчиняться: он так много взвалил на себя сам, так много умел, что никому в голову не приходило попускать его или поучать.

Бывший заместитель председателя облсовпрофа Альберт Александрович Иваньшин вспоминал, что Широкова все считали фактически председателем облисполкома, хотя он был заместителем председателя облисполкома. По самым важным вопросам все обращались только к Широкову. Ему доверяли и в Москве, потому что знали: если Виталий Федотович за что-то взялся, то обязательно доведет дело до конца. Один из моих коллег рассказывал, как он однажды присутствовал при разговоре первого секретаря обкома партии Баландина с кем-то из московских министров. Видимо, министр в чем-то отказывал области, потому что Баландин стал напрягаться, горячиться и в конце концов сказал, что пришлет в Москву Широкова для урегулирования этого вопроса. После упоминания фамилии Широкова министр на том конце провода закричал: «Ради бога, не присылайте Виталия Федотовича. Мы все сделаем, о чем вы просите». В Москве тоже знали, что от Широкова просто так не отделаешься.

Больше всех, мне кажется, Виталий Федотович любил начальников строек. Причем никогда не разделял начальников больших строек и начальников малых строек. Потому что знал и понимал строительный закон: большой объект и маленький объект требуют по существу одинаковых знаний и функций. И к большому, и к маленькому все равно надо подводить водопровод, канализацию и так далее.

Начальник отдела планировки городской архитектуры Э. Смирнова докладывает о застройке Костромы

От других крупных начальников Виталий Федотович отличался тем, что не менял своего отношения к людям, когда они переставали быть удачливыми, когда они проигрывали. В то время наша футбольная команда считалась хорошей, входила в первую лигу. Но вот наши футболисты крупно проиграли на выезде, в Волгограде. Команда

вернулась в Кострому с настроением хуже некуда. К тому же была как раз осень, слякоть, футбольное поле хлюпало под ногами. А предстояло снова играть. И тогда Широков попросил прислать на поле вертолет и вертолетом высушить стоявшие лужи. На следующий день наша команда играла и выиграла.

За битого двух небитых дают, — гласит русская пословица. Широков, по-моему, этой пословице верил. Во всяком случае, не только в спорте, но и в работе, в жизни он предпочитал иметь дело с теми, кто ошибается, рискуя, а не с теми, кто не ошибается, но и не рискует.

Подчиненные уважали и боялись Широкова, хотя он никого не распекал за ошибки, а старался помочь. Выяснит, в чем причина неудачи, поможет исправить дело, а потом уж спрашивает по полной программе.

Самые серьезные вопросы он любил обсуждать не спеша и в дружеской обстановке. Известный в Костроме журналист, рыбак и охотник Виктор Мизицкий

Почетный гражданин г. Костромы И.М. Торочков с руководителями горкома КПСС и горисполкома

рассказывал мне, как Широков решил однажды вопрос со снабжением Костромы нефтепродуктами. Он внес предложение, и Совет народных депутатов решил вопрос о присвоении звания почетного гражданина г. Костромы председателю Госкомнефтепродуктов России Торочкову, и после этого проблем с нефтепродуктами в Костроме не было.

Однажды Широков пригласил меня по какому-то вопросу. Точно не помню, но, кажется, я что-то не так сделал. Я заранее обиделся и приготовился защищаться всеми правдами и неправдами. Однако Виталий Федотович заговорил со мной дружески, издалека, стал спрашивать, как живу, как семья, что думаю о том, о сем. И как-то само собой получилось, что я забыл о своем решении защищаться во что бы то ни стало и рассказал ему все, как есть. Виталию Федотовичу всегда было очень важно понять мотивы того или иного поступка.

Вроде бы графских кровей в нем не было, но он отличался от окружающих его мужчин особой интеллигентностью и очень внимательным отношением к жен-

щинам: всегда подавал пальто, пропускал вперед, не позволял по отношению к слабому полу грубости, пошлости. Хотя в жизни, видимо, хлебнул немало: прошел всю войну, первым на танке ворвался в Ригу, одним из первых — в Варшаву.

Владимир Константинович Сорокин, его друг, рассказывал, что на фронте Широкова дважды представляли к званию Героя Советского Союза. И дважды это звание не присваивали из-за чрезмерного стремления Виталия Федотовича к самостоятельным решениям.

Когда Широков ушел на пенсию (ему только исполнилось шестьдесят лет, он был здоров и в силах продолжать работать, как никто), появилось негласное распоряжение обкома партии никуда не брать его на работу. Поговаривали, что он попал в немилость, послав по-мужски одного из руководителей райкома партии за бездеятельность «в далекие края», что не понравилось руководству обкома партии. Сорокин, будучи председателем ФСО «Спартак», нарушил партийное распоряжение и принял Широкова инженером на строительство стадиона «Спартак» с окладом в 110 рублей. Выделил ему комнату под кабинет, телефон. Виталий Федотович был чрезвычайно рад этому, поскольку не знал, как жить без работы.

Если бы он был жив, то легко бы вписался в наше время: он тогда уже хотел создать кооператив. Когда Широков умер, то провожать его в последний путь собрался почти весь город.

Старый цирк

Старое здание филармонии

Новый цирк

Здание филармонии после реконструкции

Вольдемар Голубев

В.П. Голубев

Вот я рассказал о Широкове и понял, что теперь не обойтись без подробностей из жизни и работы другого яркого человека и талантливого руководителя — Вольдемара Петровича Голубева.

Вольдемар Голубев особенно запомнился мне в то время, когда был заместителем председателя горисполкома, то есть заместителем у Широкова. Воистину два медведя в одной берлоге. Поначалу им очень сложно было понять друг друга. Дело в том, что Вольдемар Петрович считал, что у него, как у заместителя, должен быть определен круг вопросов, которые он мог бы решать сам, ни с кем не согласовывая, даже с Широковым. А Широкову это не нравилось.

Однажды весной, в распутицу, когда, как обычно, горисполком решил ограничить проезд большегрузных автомобилей по городским дорогам, к Голубеву пришел начальник строительства Абрам Вайсер и попросил разрешения на 50 пропусков для своих грузовиков. Голубев понял, что Вайсеру отказывать нельзя, иначе стройки могут остановиться. Он позвонил в горкомхоз и попросил выдать пропуска. Но в горкомхозе отказали, сославшись на то, что, мол, Широков сказал, чтобы без него никому ничего не давали. Тут уж помимо всего прочего было задето самолюбие Голубева: в горисполкоме вопросы строительства курировал он.

Голубев пошел к первому секретарю горкома партии Тихомирову и попросил его вмешаться. Тот вызвал Широкова и отругал. Широков вернулся от секретаря горкома чернее тучи и с порога заявил Голубеву:

— Ты здесь не с того начинаешь. Я без тебя все решу, что надо.

Вольдемар Петрович возмутился:

— Как это — без меня? Это моя компетенция, и прошу за меня мои вопросы не решать и впредь.

Разругались капитально и два года после этого работали в конфронтации. Перед выборами Голубев пришел в кабинет Широкова и без обиняков заявил:

— Чтобы я еще с тобой работал — не будет этого! В гробу я видел такую работу и тебя.

Широков на него прикрикнул. Но Голубев не промолчал:

— Ты на меня голос не повышай. Я сам кричать умею и послать могу подальше, чем ты меня послал. Так что никаких моих кандидатур в свои замы не выставляй. Ты, видимо, ищешь себе мальчика на побегушках, а я не мальчик.

На следующее утро Широкова как подменили. Он пригласил Голубева к себе в кабинет и совершенно другим тоном сказал:

— Что мы с тобой делим? Ты за дело болеешь, и я за дело болею. Давай попробуем еще раз?

К чести Широкова, надо сказать, он круто изменился. Голубев впоследствии так рассказывал мне об их совместной работе:

— Виталий Федотович ни одного моего вопроса без меня не решал. Если кто-то из строителей приходил к нему, он перво-наперво спрашивал: «Вы были у Голубева? Нет? А что же ко мне пришли? Идите и решайте с ним».

В.Ф. Широков, В.П. Голубев, Ф.А. Головки на коммунистическом субботнике по посадке деревьев на "Стрелке"

Тем не менее это не означало, что между двумя такими разными людьми, как Широков и Голубев, воцарилась тишь да благодать. Широков был авантюрного склада характера и, если что-то задумывал, шел напролом. Голубев же прежде чем что-то отрезать, семь раз отмерял. Поэтому споры между ними возникали часто. Но это как раз был тот случай, когда одна голова — хорошо, а две — лучше.

Однажды консенсус между ними чуть не рухнул. В тот год в Костроме планировали построить две школы. Одну в Якиманихе (проект был уже готов), вторую в поселке Первомайском, на улице Боровой (проект делать еще не начинали). И вот на заседании исполкома горсовета Широков неожиданно предлагает начать строительство со школы на Боровой. Все голосуют за это предложение. Один Вольдемар Петрович против.

— Вы что, с ума сошли, — спорит он. — На Боровой не только проекта школы нет, но еще и жилой квартал не построен. Надо в Якиманихе начинать, там все готово: сети, площадка, проект.

Но его не слушают, а поддерживают Широкова. Виталий Федотович закрыл заседание и подсел к Голубеву:

— Неужели ты меня не понял, Вольдемар Петрович? Если на Боровой не начнем строить школу, то мы туда и коммуникаций не подведем никогда, и жилого квартала не построим.

Голубев все понял: Виталий Федотович таким образом намеренно отрезал себе все пути к легкой жизни, заставлял себя сделать больше, чем мог. И ведь построили тогда две школы! Строительство заняло больше года. А если бы начали строить в Якиманихе, то на Боровой школа не появилась бы еще лет пять.

Когда Голубев вынужден был уйти работать на домостроительный комбинат, Широков искренне сокрушался по этому поводу:

— Ну что ты, Вольдемар Петрович, сделал? Что ты сделал? Я собираюсь уходить и думал, что ты придешь на мое место.

На что Голубев с присущей ему прямоотой ответил:

— Я вовсе не хочу на твое место. Здесь шагу нельзя ступить без согласования с обкомом партии или облисполкомом. Ты как-то ухитришься проводить свою линию, а я в таких условиях не смогу.

И это действительно было так. Вольдемар Петрович не отличался дипломатическими способностями, не мог рассчитывать ходы. Всегда и во всем был прям, что не служило на пользу карьере. Зато его очень ценили и уважали все, кто с ним сталкивался по работе. Помню, архитектор Эльвира Смирнова посвятила Вольдемару Петровичу такие строки:

*Незаменимых, может, нет,
Но дело не увидит свет,
Коль кто-то, дело то любя,
Его не взвалит на себя.*

Он пропадал на стройках. Он рассказывал мне о том, что всегда переживает за строителей, когда те сдают новый дом. Я сказал в ответ, что ж тут, мол, такого удивительного: бояться люди, вдруг какая-нибудь недоделка обнаружится.

— Нет, — ответил Вольдемар Петрович, — не о том ты. Строитель во время работы на доме в каждой квартире не одну сотню раз побывает, каждая комнатуха для него как родная становится. Но вот наступает момент — дом сдан. И строитель уже не может запросто войти в квартиру. Он уже стучится: «К вам можно?» Сдача дома — это всегда радостный, тревожный и несколько обидный момент одновременно.

Пришел однажды к Голубеву на прием один пенсионер из Октябрьского поселка. «Ничего в нашем доме нет, — пожаловался он, — ни воды, ни газа, ни канализации. Что жильцам делать?» Голубев подключился к этому делу. Сначала воду в этот дом провели, потом газ, потом канализацию. Не сразу, но за год-полтора всё сделали.

— И вот, — рассказывает мне Голубев, — в один из приемных дней, смотрю, опять этот мужик в очереди сидит среди просителей. Высидел всю очередь, всех пропустил, а потом заходит и говорит: «Я пришел, чтобы вам спасибо сказать».

Этот мужик столько счастья мне принес! Что строитель в своей жизни видит? Ничего. Только ругают все его. А тут — спасибо!

До этого разговора я не мог предположить, что Вольдемар Петрович такой романтик и что такая ранимая у него душа, хотя жизнь его не баловала.

Автомеханик по специальности, он вернулся с Отечественной войны в Кострому и поступил работать на завод имени Красина учеником фрезеровщика. И вот тут я хотел бы привести рассказ Вольдемара Петровича, как говорится, без купюр. Потому что в то время как раз и проявились его главные черты характера — решительность и желание работать с полной отдачей.

«Моего наставника звали Коля. И вот смотрю я, что этот Коля больше курит, чем работает. А станок у него крутится на одной скорости. Улучил я момент и заглянул в коробку скоростей, где должен быть набор шестеренок. Смотрю, а там пусто, все потеряно. Я пошел в техническую библиотеку, нашел чертежи, заказал по ним шестеренки. Их сделали здесь же, на заводе. И стал работать на всех скоростях.

Зарплата у меня пошла в два раза выше, чем у Коли. Он расвирепел, позвал меня в курилку, послал к такой-то матери, сказав, что всем из-за меня скоро поднимут нормы. Я ответил, что пусть, мол, поднимают, но работать медленнее мне не в мочь. Потом Коля тоже привык быстро работать, стал получать хорошую зарплату».

Из фрезеровщиков Голубев ушел в инструкторы горкома комсомола (кстати, комсомольским секретарем был в ту пору Широков). Окончил физико-математический факультет педагогического института, сделал карьеру управленца. Вообще-то слово «карьера» Вольдемару Петровичу как-то не подходит. Должно быть, это потому, что в обычном представлении карьера — это путь все время вверх. А у Вольдемара Петровича только вверх не получалось из-за особенностей его характера. Но они с Широковым очень дополняли друг друга. И я горжусь тем, что работал вместе с этими двумя замечательными людьми и что оба они многому научили меня в жизни.

В.П. Голубев

Коллектив треста "Костромаремстройтрест" на Первомайской демонстрации

Л.М. Именгулов, В.П. Голубев в день открытия памятника на площади Мира

Труд В.П. Голубева отмечен первым секретарем обкома КПСС Ю.Н. Баландиным

Однако именно в пору работы с ними я часто попадал в трудные ситуации. Помню, строили в Костроме цирк. Главным был в этом деле, конечно же, Широков, который в то время работал зампредоблисполкома. Он задачу тогда перед собой поставил: сделать в нашем городе очень красивый цирк, лучше, чем в проекте. И для этого мне, тогда начальнику горкомхоза, поручил заказать ленинградскому комбинату живописно-оформительского искусства отливку на макушку цирка — фигуры двух шутов. Фигуры большие, дорогие. Я, честно говоря, пожалел денег. Когда я об этом сказал Широкову на планерке, он помрачнел и спросил, а что же я в таком случае делаю на планерке, если не желаю исполнять его распоряжения? Я понял, что мое неповиновение будет иметь для меня плачевные последствия. И пошел советоваться к Вольдемару Петровичу: что делать?

Голубев сразу сказал, что мой глупый поступок плохо для меня кончится, что Широков никакой бережливости в моем отказе не увидел, а увидел неисполнительность.

— Немедленно звони в Ленинград, заказывай этих шутов для цирка, — посоветовал Вольдемар Петрович, — и беги

Уникальный монтаж купола нового цирка в Костроме (разработка института "Костромагражданпроект", главный инженер К.Н. Лиманцев)

к Широкову, говори, что все заказано и будет сделано. Если ты этого не предпримешь — забудь о своей карьере вообще, потому что у Широкова есть одна неприятная черта: если он кого-то невзлюбит, то это надолго.

Я послушался совета Вольдемара Петровича. Не знаю, в тот ли момент или чуть позже, но я четко осознал одну вещь: люди не ангелы, особенно руководители, те, кому ежедневно приходится решать десятки вопросов. Однако глядя из

сегодняшнего дня в то время, я удивляюсь, насколько нынешние «не ангелы» отличаются от «не ангелов» прошлых лет.

Вот, к примеру, за какой проступок могли тогда «погореть» руководители. Дело было так: на праздновании 100-летия городского водопровода главному инженеру горкомхоза Шиханову (моему предшественнику на этой должности) преподнесли в подарок транзисторный приемник. А через несколько дней в областной газете «Северная правда» появилась разоблачительная статья «Под звон бокалов». В этой статье раскритиковали само празднование, но больше всего подвергли критике тот факт, что Шиханов совершил поступок, недостойный руководителя и коммуниста: взял дорогой подарок.

Все-таки люди в то время были более совестливые. И к моральному облику руководителя предъявлялись очень высокие требования.

А.И. Голубков

Александр Голубков, добытчик знамен

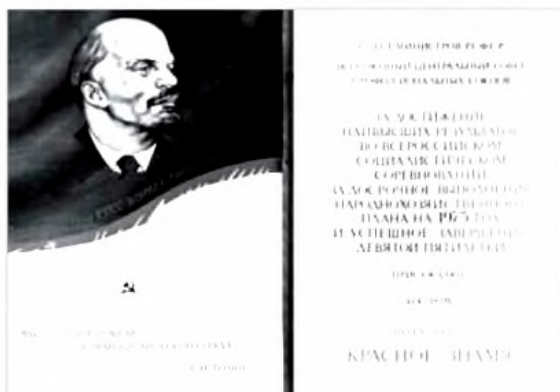
Есть люди, которые всегда в курсе всех дел. И любят, чтобы другие видели, что они в курсе. Вот таким был председатель горплана и заместитель председателя горисполкома с 1970 по 1989 год Александр Иванович Голубков.

А еще он представлял в общем-то небольшую часть чиновников, которые востребованы не только на том участке, который они возглавляют, но и шире, то есть на более высоких уровнях. Без Голубкова застопоривались вопросы даже в администрации области, поскольку он был вхож во многие высокие кабинеты Госпланов России и Советского Союза. Причем вхож запросто, душевно, на уровне теплых человеческих контактов.

Александр Иванович знал все: что, где, когда случилось, какой готовится документ, какие ходят интересные разговоры, какие ожидаются перемены, к кому из высших чинов в Москве стоит обращаться, чтобы что-то решить, а к кому не стоит заглядывать даже в приемную.

Это он посоветовал мне обратиться к заместителю председателя Госплана по социальной работе Андреевой с вопросами по строительству Коркинских очистных сооружений, моста через реку Кострому. Я сперва удивился. Но Голубков был прав: именно Андреева помогла включить в план наши большие стройки.

Помню, когда я пришел работать вначале в горкомхоз, а потом в горисполком, то не кто иной, как Александр Иванович Голубков водил меня в Госплан, в Верховный Совет РСФСР и со всеми знакомил. Говорил: «Запомни всю цепочку прохождения вопросов. И главное — заруби себе на носу: среди высших чиновников только 30 процентов — ключевые фигуры, которые все решают, а остальные — просто фигуры, которые сидят за столами».

Торжественное собрание партийно-хозяйственного актива г. Костромы по случаю вручения переходящего Красного знамени Совета министров РСФСР, ВЦСПС

Первый секретарь горкома КПСС Н.С. Тихомиров подводит итоги социалистического соревнования между Костромой и Ярославлем

Торжественный митинг на площади Революции по случаю награждения города Костромы орденом Октябрьской Революции

Председатель Совета министров СССР А.Н. Косыгин вручает орден Октябрьской Революции городу Костроме

Голубков был неугомонным холериком, все время в движении, все время с людьми. Сам писал все отчеты, все выступления. Написанные им обоснования того или иного объекта вообще могли бы войти в историю. К примеру, необходимость строительства известного сейчас всем цирка в Костроме обосновал Голубков. И всех в Москве убедил, что именно в провинциальной, маленькой Костроме должен быть построен такой цирк, каких во всей России до тех пор существовал всего один.

Кроме всего прочего, у него был один талант, которого больше ни у кого в нашем городе я не встречал: Алек-

сандр Иванович умел оформлять документы на награды так, что в результате Кострома эти награды постоянно получала. У нас тогда в моде были соревнования между городами по разным экономическим и социальным показателям. Показатели в Костроме достигались неплохие, но ведь и подать их надо было уметь! Вот Александр Иванович их и подавал. Да так мастерски, что Кострома всегда получала переходящие красные знамена правительства, либо ЦК партии,

Первый секретарь горкома КПСС И.Г. Лещев зачитывает "закрытое" письмо ЦК КПСС на партсобрании модельного цеха завода "Текстильмаш" (секретарь парткома завода А.И. Голубков)

либо ВЦСПС, либо классные места. Тогда костромского землячества как организации в Москве не было, но Голубков лично знал всех костромичей, которые занимали какие-то посты в ЦК, в Совете министров.

Начинал он свою карьеру с секретарей парткома завода «Текстильмаш». Потом стал заведующим промышленно-транспортным отделом Свердловского райкома партии, заместителем директора завода «Текстильмаш» по экономическим вопросам.

Партийная делегация Петрков-Трибунальского воеводства (Польша) во время экскурсии на заводе "Текстильмаш". Гид-переводчик А.И. Голубков

Он уважал людей, и его уважали. Ведь даже тогда, когда Александр Иванович имел возможность жить спокойно, он спокойно не жил. Во время начала строительства микрорайонов Первомайского и Октябрьского он, будучи секретарем парткома завода «Текстильмаш», сдал свои партийные дела, а сам пошел организовывать расчистку дороги к гравийному карьере. Дело было в январе, машину часто заносило снегом так, что Александру Ивановичу приходилось ночевать на дороге, ожидая, пока не подойдет бульдозер и не откопает его машину.

Как часто мы, характеризуя того или иного руководителя, произносим фразу: «Он умеет говорить с людьми». И даже не отдаем себе отчета в том, что же это такое — «умеет говорить с людьми». Так вот, Голубков уважал того, с кем говорил. Для него не имело значения, был ли его собеседник выше рангом или ниже или вообще он был безо всяких рангов.

С Александром Ивановичем я, будучи начальником горкомхоза, составлял планы социально-экономического развития города на пять лет вперед. А когда эту программу одобрили на всех уровнях власти, в том числе и в Москве, в ЦК КПСС, к ее выполнению были привлечены 28 министерств и ведомств. Голубков тогда вместе с Широковым обошел всех министров и согласовал все, что за пять лет в Костроме надо было сделать: построить 700 тысяч квадратных метров жилья, пустить троллейбусы, асфальтовый завод, базы коммунального хозяйства, школы, детские учреждения, берегоукрепления, АТС.

Министерства подключились, но и мы, костромичи, обязаны были сделать многое. Организовали городской штаб по строительству микрорайонов. Поселок Первомайский строили жители Ленинского района Костромы, поселок Октябрьский — жители Свердловского района. Сегодня Голубков не скрывает, что нарушал многие инструкции во имя интересов города.

Они с Широковым точно определили, что все нужные Костроме вопросы в Госплане решает отдел коммунального хозяйства, а в этом отделе — один человек — Владимир Иванович Кузьмин. Авторитет Кузьмина был настолько высок, что если с ним что-то согласовывали, то это уже железно выполнялось. К примеру, документы на строительство моста через реку Кострому нам все время возвращали. Но когда это строительство поддержал Кузьмин, то его поддержали и в Совете Министров, и в Госплане.

Я не представляю себе сейчас, что можно было сделать без связей Голубкова, когда в разгар строительства жилья в Костроме вдруг не хватило труб на 13 километров водопровода. А шел уже декабрь, следовательно, только волшебник мог что-либо достать. Голубков тогда выехал в Москву и получил-таки наряд. И под самый Новый год в Кострому прибыли 60 вагонов с трубами-«восьмисотками».

Положа руку на сердце, сегодня я также должен признаться, что если бы я сам жил исключительно по инструкциям и предписаниям, то уже давно бы не работал. Много я сделал, отступив от инструкции. Я не злоупотреблял властью в собственных интересах, но в общественных интересах — случалось. И не раз. И в этом меня поддерживали авторитетные специалисты. Такие, как архитектор Олег Иванович Смирнов и бывший директор «Костромагражданпроекта» Петр Петрович Щербинин — смелые, грамотные люди, которые не боялись взять ответственность за свои решения и никогда никого не подставляли.

Чиновники и прорабы

Однажды мы пошли на нарушение, в котором нас поддержал даже горком партии. Речь шла о том, чтобы заставить заказчиков строительства жилья от-

О.И. Смирнов

числять городу 20 процентов сдаваемого ими жилья «под снос», то есть под переселение жильцов тех домов, которые должны быть снесены по тем или иным причинам. Если бы нас тогда не поддержали, то сегодня не было бы квартала «Волгальнопрома», обновленной улицы Ивана Сусанина.

Раньше все планировалось сверху, из Москвы. В промышленности — все вплоть до производства иголок, в финансировании — вплоть до рубля. Но разве сверху можно все предусмотреть и рассчитать? Конечно же, нет. Вот и получалось, что порой Костроме отпускали деньги на одно дело, а нам они нужны были совсем на другое.

К примеру, нам надо было провести реконструкцию улиц Костромской, Береговой и Галицкого шоссе (фактически — новое строительство), а деньги у нас были только на капитальный ремонт. Причем очень хорошие деньги. И тогда мы шли на нарушение — «проводили» по документам новое строительство как капитальный

ремонт.

ремонт.

Торжественный митинг по случаю завершения строительства птичника

ремонт. Причем на нарушение шли не только мы, работники горкомхоза или строители, но и проектировщики.

Институт «Костромагражданпроект» шел навстречу и делал проект реконструкции под грифом «капитальный ремонт». Главный инженер проекта отдела благоустройства городской территории Олег Иванович Смирнов, по первой

Первый секретарь Ленинского райкома КПСС Т.И. Женодарова приветствует участников строительства птичника

Н.С. Тихомиров перерезает ленточку при открытии нового объекта народной стройки

История должна знать своих творцов

специальности дорожник, сам знал, что нужно делать, для чего и как, и воплощал это в строительную документацию.

«Промстройбанк» тоже шел нам навстречу, председатель горисполкома и его заместители также знали о том, что мы идем на нарушение, но, как говорится, закрывали глаза, потому что понимали, что все это на благо города.

Все люди делятся, на мой взгляд, на чиновников и прорабов. И не по занимаемому креслу, а по духу, по сути. Те, кто в своей жизни и работе руководствуется исключительно инструкциями и предписаниями, для кого легче запретить, чем разрешить — чиновники. Те же, кто руководствуется прежде всего здравым смыслом, а также желанием получить конкретный полезный результат — прорабы. Высшие чиновники по рангу — пер-

вый секретарь обкома партии Флорентьев, зампредисполкома Широков, председатель обкома профсоюзов Милевский — по духу являлись прорабами, то есть производителями работ.

Каждый прораб знает: редко бывает так, что над стройкой все время сияет солнышко, и денег хватает, и все стройматериалы высшего качества, и отпущенные сроки рассчитаны верно, и все каменщики-трезвенники. На практике всегда чего-нибудь нет, и сроки неверно рассчитаны, и морозы, и дожди, и каменщики не ангелы. И с этим приходится считаться, постоянно выкручиваться из положения, чтобы хоть что-то построить.

Легче всего строить на пустыре, это всякий знает: там не нужно сносить дома и выделять жилье под этот снос. Мы попробовали строить не только на пустыре, но и почти в центре — на улице Ивана Сусанина и в квартале «Волгальнопрома». Долго не могли подобраться к решению этой задачи: ведь будущие стройплощадки плотно заселены, там стояли старые дома. И тогда мы предложили предприятиям, занимающимся строительством жилья, хорошие участки под застройку в обмен на то, что они отдадут городу 20 процентов вновь построенных квартир.

Сегодня такое решение кажется логичным, очевидным, но в то время оно было новым и задевало интересы предприятий: они не очень охотно соглашались

Группа проектировщиков института "Костромагражданпроект" во главе с С.А. Даниловым

отдавать пятую часть жилья в распоряжение города. С этим предложением мы вошли в горком партии, в обком профсоюзов. Там нас поддержали. И вот после публично высказанной и документально оформленной поддержки пошла работа по сносу старого жилья. И сегодняшняя улица Ивана Сусанина, сегодняшний квартал домов «Волгальнопрома» — результат той работы.

Конечно, легче построить новый город, чем обновить и осовременить старый. Мы долгое время не могли канализовать улицы Скворцова и Шагова. И опять-таки потому, что для рытья траншеи под канализационные трубы требовался массовый снос жилья. Тогда нам помог Олег Иванович Смирнов.

Коркинские очистные сооружения начали строить по "титальному списку" строительства завода "Мотордеталь"

Начальник ОКСа завода "Мотордеталь" О.О. Альтгаузен

Группа строителей треста "Костромапромстрой"

Идет строительство корпусов завода "Мотордеталь"

Он предложил пройти коллектором вдоль речки Черной, где построек никаких не было, как бы заключить эту речку в короб. Что мы и сделали.

Из Москвы давали деньги на строительство улиц, но ставили условия: отводили определенный срок на сдачу участка «от пикета до пикета», зачастую очень маленький, в который реально невозможно уложиться. А не уложишься или, как говорили тогда, не освоишь средства в срок — эти деньги у тебя забирали. И чтобы уложиться в срок, мы опять-таки шли на нарушения. Строили, но не всю улицу, а только часть, допустим, правую, и сдавали как положено, «от пикета до пикета», потом уж втихую достраивали левую.

Вот если бы в то время нашелся человек, захотевший, чтобы нас всех с работы сняли, ему достаточно было бы только телефонную трубку поднять и в Москву позвонить.

Время строительства заводов «Мотордеталь», радиоприборного, электромеханического, механического — это время, когда коренным образом изменился способ развития города. С этих пор Кострома начала развиваться за счет строительства крупных заводов. К примеру, вместе со строительством завода «Мотордеталь» заложили и строительство очистных сооружений, рассчитанных на 200 тысяч кубометров сточных вод в сутки. Самому же заводу нужно было очищать всего 15–20 тысяч кубометров сточных вод. Было заложено и строительство водопровода на 40 тысяч кубометров воды в сутки, хотя самому заводу такого количества воды не нужно.

Тем не менее «Мотордеталь» выполнила технические условия, в которых заложены требования города, и начала строить станцию первого подъема воды, заборных оголовок, станцию второго подъема, отводящие линии уже с учетом перспектив развития Костромы. Завод не мог отказаться от этой работы, потому что в решении о его строительстве уже было заложено исполнение и финансирование более мощных водопровода и очистных сооружений.

Точно так же все было и при строительстве заводов «Строммашина», реконструкции завода «Рабочий металлист». Котельная завода «Рабочий металлист», к примеру, построенная на Ярославском шоссе, дает тепло и горячую воду не только самому заводу, но и двум близлежащим микрорайонам — Паново и Малышково. Большую котельную, рассчитанную на целый микрорайон, строил радиоприборный завод.

Честно говоря, я вспоминаю это время с большим удовольствием. Как главный инженер горкомхоза, я работал непосредственно с руководством строящихся заводов, особенно тесно — с технической службой заказчика (на заводе «Мотордеталь» технадзор этой службы возглавлял Отто Оттович Альтгаузен, инженером технадзора в то время был Беляев Сергей).

Были ли конфликты в то время? Конечно, были. Например, мы здорово ругались с руководством электромеханического завода: предприятие начинало строить жилье на улицах Индустриальной и Профсоюзной, но отказывалось строить поликлинику в своем микрорайоне.

Козий парк – сквер на площади Конституции после реконструкции

Приходилось выступать арбитром в споре между строителями и технадзором водоканала при приемке сетей. Так, однажды, чтобы определить истину, мне пришлось с начальником УСР Владимиром Павловичем Андреевым пролезть в железобетонную трубу диаметром 800 мм на четвереньках. Он впереди, а я глядя в его ... за ним. А причина в том, что строители не хотели признавать претензии водоканала. После этого пролезания признали и переложили бракованную часть коллектора.

Порой выгоднее было сидеть и ничего не делать, чем что-то делать. Все костромичи знают парк, который находится чуть выше площади Конституции (там стоит памятник Свердлову). Теперь это вполне приличный уголок города. А раньше он был пустырем, заросшим мелким кустарником и крапивой. Туда даже коз приводили пастись, отчего парк получил в народе название «Козий».

Я предложил Антонине Михайловне Волковой, которая тогда была заместителем председателя Свердловского райисполкома Костромы, убрать все кусты, расчистить дорожки в этом парке. Она меня поддержала, взяла инициативу по организации работы в свои руки. Мы все сделали: кусты убрали, дорожки заасфальтировали. Сквер открылся, но пошли жалобы от населения в горком партии на то, что мы уничтожили зеленые насаждения. В результате заместитель председателя райисполкома получила выговор на бюро горкома партии. Меня она не выдала, иначе я бы тоже получил выговор. Через несколько дней встретились мы с Волковой в обихоженном Козьем скверике.

– Мне неудобно перед вами, Антонина Михайловна, – сказал я ей, – выходит, я за вашей спиной отсиделся.

– Ничего, – засмеялась она. – Зато, пока вы ходите без выговора, у вас есть возможность еще какую-нибудь территорию расчистить.

А.М. Волкова

— Ну, рассказывай, что задумал?

Я рассказал. Николай Иванович подумал немного и ответил:

— Синяжников прав, не надо набережную трогать.

Через некоторое время председателем горисполкома стал Эдуард Васильевич Авхимков. И мысль о благоустройстве набережной снова возвратилась ко мне. Но теперь я решил все делать, ни у кого не спрашивая разрешения и ни у кого не прося помощи. А когда набережную уже благоустроили, ко мне пришел Синяжников:

— Борис Константинович, ты был прав: намного лучше стало.

Эти два в общем-то незначительных на первый взгляд эпизода сыграли важную роль: я решил для себя на будущее по каждому мелкому вопросу не бегать к вышестоящему начальству и не советоваться, а начинать сразу работать, не боясь выговоров.

Набережная реки Волги в районе пединститута после реконструкции

И как в воду глядела. У меня как раз возникла идея привести в порядок набережную от улицы Молочная гора до территории мебельного комбината. Она так же, как и Козий парк, заросла кустарником и крапивой. Я предложил директору пединститута Синяжникову отрядить на это дело студентов в помощь горкомхозу: мол, выкопаем кустарники, сделаем газоны, откроется прекрасный вид на Волгу, и ваши студенты будут гулять не по зарослям, а по благоустроенной набережной.

Синяжников выслушал, ничего конкретно не ответил. А потом пошел и пожаловался председателю горисполкома Николаю Ивановичу Герасимову. Тот вызвал меня к себе.

Я сказал себе: любой начальник тоже человек и ничто человеческое ему не чуждо, он боится ошибиться, не хочет рисковать, на него так же, как и на любого другого, действует перемена погоды. А на решениях, которые он принимает, может отразиться все, вплоть до неурядиц в личной жизни. Одни из них умеют держаться дипломатически, другие не считают нужным держать себя в рамках. Но для пользы дела важно находить общий язык со всеми.

Одно время заместителем председателя горисполкома работал Евгений Иванович Спиридонов, бывший

начальник треста «Спецстроймеханизация», строитель до мозга костей. Курировал он как раз строительство жилья и городское коммунальное хозяйство. И была у него одна особенность: очень любил материться. Я же мат не переношу органически. Встретаться со Спиридоновым мне приходилось довольно часто, поскольку я в то время возглавлял курируемый им участок — горкомхоз.

Евгений Иванович взял за правило раз в неделю собирать все службы коммунального хозяйства и устраивать «порку», то есть всех материть. Я терпел один раз, второй, а на третий решил найти с ним общий язык. Внутренне пересилил себя, подготовился (признаюсь, это было очень трудно) и после очередной «спиридоновской» порции мата встал и тем же набором ненормированной лексики отрапортовал заместителю председателя горисполкома прямо при всех подчиненных. Сказал все, что о нем думал. Евгений Иванович растерялся, покраснел и после этого прекратил материть всех направо и налево.

После того, как Евгений Иванович Спиридонов ушел со своего поста, заместителем председателя горисполкома, курирующим строительство, стал Алий Дмитриевич Ляпин, а затем Светлана Михайловна Второва. На сто процентов женщина: красивая, обаятельная, всегда хорошо, со вкусом одетая, она заняла должность, которая требовала стопроцентного мужика — сильного, выносливого, который бы носился по строительным объектам недосыпая, недоедая.

С.М. Второва

помогала добывать стройматериалы. И не забывала о личном: одевалась по-прежнему так, будто не по стройкам мотается, а по дипломатическим приемам.

Надо заметить, что в те годы прилично одеться было проблемно, а женщине вдвойне проблемно, а со вкусом одеться проблемно втройне. В магазинах более или менее хорошие товары отсутствовали. В дефиците значились обувь,

До прихода в горисполком Второва окончила строительный институт, достаточно долго работала на стройках, потом в горкоме партии, где опять же курировала строительство. Честно говоря, до знакомства со Светланой Михайловной я считал, что женщина на стройке, как на корабле, — лишний человек. А красивая женщина — лишняя вдвойне. А после знакомства со Светланой Михайловной это мое мнение поменялось.

Она принимала активное участие в развитии домостроительного комбината, строительстве производства завода силикатного кирпича, молокозавода, фабрики-кухни. Женщина она была волевая, успевала везде: ездила по объектам, выбивала деньги в Москве,

С.М. Второва и В.Ф. Широков с работниками горводоканала

зимняя одежда, белье. Чтобы что-то купить, надо было ехать в Москву, выстаивать там очереди по три часа (а нередко и дольше).

Светлана Михайловна не имела времени, чтобы тратить его на покупки, поэтому она использовала метод, который считался предосудительным, — блат. В принципе очень многие люди доставали вещи через кого-то, в основном через знакомых и родных, работавших на торговых базах. Это явление было массовым. Само слово «купить» употреблялось реже, чем слово «достать». Например, говорили, не «купил туфли», а «достал туфли», не «купил холодильник», а «достал холодильник».

Вот Светлана Михайловна и «доставала». Информация об этих ее «доставаниях» просочилась в прессу. Второву сильно критиковали. Вместе с критикой за использование «блата» на Светлану Михайловну обрушилась еще одна беда: она попала в автомобильную аварию. Причем пострадала очень сильно: переломы, ушибы головы, рваные раны лица. Но она вынесла все, пережила, выстояла. И после аварии снова сумела стать симпатичной, энергичной. Лишь однажды я случайно увидел ее подавленной и растерянной: в больнице, где она сидела будто спрятавшись от всех. Но это была лишь минутная слабость: как только Светлана Михайловна заметила, что к ней в палату идут люди, она тут же взяла себя в руки и стала такой, какой я привык ее видеть всегда.

Как Задорожный не получил «героя»

Павла Терентьевича Задорожного знали все строители Костромской области. Он приехал в Кострому в начале 60-х уже сложившимся организатором строительства, так как до этого строил железную дорогу от Воркуты и металлургический комбинат в Темиртау, в Казахстане.

В Костроме карьера Задорожного сразу началась с высокой должности — управляющего трестом «Костромастрой». Затем до конца 80-х он работал заместителем председателя облисполкома по строительству, секретарем обкома партии, курировавшим строительную отрасль.

П.Т. Задорожный

Павел Терентьевич всегда подходил к своей работе критически. В этом была его особенность. Всегда на все имел собственное мнение. И когда это мнение ему не удавалось отстоять (что, по правде говоря, случалось редко), переживал, но никого не винил в своем отступлении, кроме себя самого. Он высказал как-то любопытную мысль.

— Я думаю, — сказал он, — что демократия — это самая страшная форма управления. Здесь можно протащить все, что угодно. Создать для этого группу, сформировать мнение. И дальше уже неважно, во благо дело или во вред, процесс уже пойдет.

Но я хочу заметить, что, несмотря ни на какие коллегиальные решения, очень часто Павлу Терентьевичу удавалось делать все-таки по-своему.

В конце 50-х — начале 60-х годов было у нас в области два совнархоза и соответственно два обкома партии: сельскохозяйственный и промышленный. Сельскохозяйственный возглавлял Флорентьев, промышленный — Димитриу. И каждый из них вызывал начальника стройтреста Задорожного к себе на ковер и озадачивал.

Флорентьев говорил:

— Постройшь Караваево, мясокомбинат, молокозавод и тогда, Павел Терентьевич, будет тебе звание Героя Социалистического Труда.

А Димитриу ставил другую задачу:

— Вот построишь два крупных завода в Костроме — получишь Героя.

А Караваев, министр строительства из Москвы, который отвечал только за союзные стройки, предупреждал:

— Не построишь все «почтовые ящики» — Нерехтский механический завод, электромеханический завод — я тебя в порошок сотру.

В результате за один только год работы Задорожный получил 16 выговоров. Хотя и заводы, и комбинаты все-таки построил.

И еще дешево отделался, потому что не проходило и дня, чтобы он где-нибудь не нарушал какую-нибудь инструкцию. Причем нарушал вполне сознательно. Например, как только пришел в трест «Костромапромжилстрой», сразу же закрыл 300 строек из 520 начатых трестом. За это его сперва в один обком вызвали, потом — во второй:

— Эти стройки Госплан запланировал, а ты только управляющий трестом, и не твое дело их закрывать.

— Дорогие мои товарищи, — взмолился Задорожный, — если все сразу строить, то на каждом объекте получится по пять рабочих. Мы так никогда ничего не построим.

— Но закрывать стройки — преступление, — неумолимо отвечали в обоих обкомах.

Поняв, что может выйти за дверь безработным, он пошел на хитрость:

— Я не закрыл, а приостановил. Временно. И создал очередность: вначале первые двадцать домов, завод и школу, а потом вторые двадцать домов и так далее.

Так потом всё и строили, и вводили поочередно. Всё, кроме «почтовых ящиков». Те строили, как Госплан запланировал. Туда и поставки материалов были нормальные, точно в срок. На объекты оборонки всегда в 2 раза больше стройматериалов давали, чем на объекты сельского хозяйства, а на жилье — в 2 раза меньше, чем на сельское хозяйство.

Задорожный рассказывал мне, что в то время постоянно «воровал» с «почтовых ящиков» цемент и металл на жилые дома и школы. Нарушал закон в общем... Но некоторые министры его понимали.

Например, министр автомобильной промышленности Поляков, когда начал строить завод «Мотордеталь», прежде всего сел с Павлом Терентьевичем за стол переговоров:

— Ну, Павел Терентьевич, говори, что мне надо сделать, чтоб завод строился?

— Мне люди нужны, — ответил Задорожный, — а их просто так на стройку не привлечешь. Потому давайте таким образом: все жилье, которое мы строим для рабочих «Мотордетали», я заселяю своими строителями. А потом, когда строительство завода закончится, они в твою промышленность пойдут слесарями, токарями, в общем, кем нужно.

Поляков сразу согласился, и дело пошло. Но потом, года через три об этой затее узнали в обкоме, в облисполкоме — и такое началось! Объявления об очередном наборе строителей из газеты «Северная правда» изъяли, а Задорожному, как говорится, дали по шапке.

За что? Казалось бы, разумное дело придумал!

Но дело в том, что со всех предприятий к Задорожному люди побежали, а директора предприятий, естественно, бросились жаловаться в обком и облисполком: сманивает, мол, Задорожный наших рабочих, оголяет производство. Получается, если бы разумный подход к использованию рабочей силы был везде, то и замысел Павла Терентьевича прошел бы. Либо все делают разумно, либо все — неразумно. Одному из этого строя выбиваться нельзя.

Самый крупный поступок, за который Задорожный получил от Министерства строительства СССР строгий выговор, он совершил в 1964 году: передал городу все трестовское жилье, которое было в привокзальном районе и числилось за разными организациями. Тут как раз вышло постановление Совета министров РСФСР о передаче жилья местным советам. Вот он это и сделал. Однако не учел, что трест — союзного подчинения, а жилье — в ведении республики. Караваев, министр строительства СССР, возмутился и объявил ему выговор.

Министр строительства СССР Г.А. Караваев излагает план строительства завода "Мотордеталь"

Прошло полгода после этого, и вдруг в трест из Москвы приходит 500 тысяч рублей — дотация на содержание жилья. Задорожный культурно возвращает деньги обратно. Прошло еще полгода — и вновь приходит 500 тысяч. Он и эти деньги возвращает. А потом приказ министра пришел: все стройтресты в Союзе сработали год с убытком и только Костромской трест сэкономил 1 миллион рублей на содержание жилья. А потому наградить товарища Задорожного месячным окладом, вызвать его на коллегию, пусть поделится опытом. Он испугался: ведь на коллегии точно всплывет дело с передачей жилья и тогда его наверняка снимут с работы. Стал звонить: «Что угодно делайте, только не вызывайте на коллегию, готов ради этого отдать месячный оклад». Но его все-таки заставили приехать. Задорожный честно доложил, как было дело. Все только хохотали.

Павел Терентьевич не зря боялся коллегий как черт ладана. Однажды ему там досталось, как говориться, по первое число. А дело было так.

В тресте (в районе пединститута) была конюшня на 40 лошадей. Раньше эта конюшня принадлежала льнокомбинату имени Ленина. Но, когда совнархозы стали ликвидироваться, заместитель председателя промышленного совнархоза области Зарецкий передал лошадей строительному тресту, хотя лошади тресту были нужны как корове седло. Задорожный возмутился, но ничего не мог поделать с таким «подарком».

За три года лошади убытка тресту не принесли: кормились тем, что подвозили к садам картошку на посадку, пахали и тому подобное. Но был кроме лошадей еще медведь, которого выменял в цирке на жеребенка заведующий конюшней, бывший дрессировщик. Медведя все коневоды любили и приучили его есть овес. Все шло тихо-мирно, пока одна женщина-коневод, алкоголичка, пьяная не полезла на чердак за овсом для медведя, не свалилась и не убилась насмерть.

Нагрянула комиссия и объявила Задорожному выговор за нарушение техники безопасности. Он издал приказ о ликвидации конюшни, а ему в ответ еще один выговор: конюшня, мол, — это производство, а производство ликвидировать нельзя. И вот с этого момента я заканчиваю вольный пересказ этой истории и привожу дословный рассказ самого Павла Терентьевича:

«Тогда я быстренько продал коней на мясокомбинат, хомуты отдал Прасковье Малининой, а конюхи тут же подожгли конюшню.

Меня опять потащили на коллегию в Москву.

Министр спросил, какие я принял меры, чтобы в будущем на производстве не повторился несчастный случай.

Я ответил, что конюшня сгорела, лошадей продали на колбасу, остался один медведь, но его мы сами съедим.

Что тут поднялось!

— Ах, ты нам тут еще цирк устраиваешь! — закричал министр. — Строгача ему!

И влил мне строгий выговор вместо запланированного обычного, нестрогого. Кроме того, послали в Кострому шесть человек — комиссию — проверить

В перерывах Всероссийского семинара по застройке сельских населенных пунктов

Обсуждение планов застройки города Костромы в институте "Костромагражданпроект"

В спорах рождается истина. С главным инженером ПСМО "Костромастрой" Г.П. Полюшенко

мою финансово-хозяйственную деятельность. Я быстренько договорился с охотоведами, они медведя убили и вывезли на Покшу, у нас там был санаторий. Зажарили этого медведя, ящик водки привезли. Когда комиссия приехала — я их сразу туда. Медведь им понравился, они остались ночевать. Уехали только

На площади Мира очередной выпуск молодых лейтенантов химучилища

Новый сельский поселок. Продукция сельского строительного комбината

на третий день. С тех пор, как я только появлялся в министерстве, так сразу все начинали смеяться и спрашивать, не появился ли у меня в тресте еще один медведь».

Задорожного на посту главного строителя области в середине 70-х сменил Владилен Александрович Голланд. Сначала он стал главным инженером треста «Костромапромстрой», затем начальником этого треста, а потом и начальником территориального управления строительством.

В это управление входило два треста: «Костромапромстрой» и «Костромажилстрой», а также проектный институт «Ко-

стромагражданпроект», который полностью обеспечивал себя за счет заказов этих трестов. Управление располагало самым большим количеством работающих в области. Фамилия Голланд была у всех на слуху.

Владилен Александрович между тем не производил впечатления человека, который держит на плечах такую огромную ношу. Это был очень спокойный человек, никогда не делавший резких движений. Казалось, что он никогда никуда не спешил. Но при этом какую бы большую стройку вы в то время не назвали, она обязательно была связана с Голландом: Мантуровский биохимический завод,

В.А. Голланд докладывает министру строительства СССР Г.А. Караваяеву о ходе возведения корпусов завода "Мотордеталь"

Коллектив ПСМО "Костромастрой" на первомайской демонстрации

«Мотордеталь, «Шарьядрев», Шолоховский льнозавод и многое, многое другое.

Про него говорили: работает двадцать четыре часа в сутки. Как при этом он ухитрялся выглядеть безупречно — загадка. Кроме того, он обладал одним со-

И на Коммунистическом субботнике В.А. Голланд вместе с коллективом

На очередной планерке

вершено невероятным для строителя качеством: не ругался матом и вообще никогда не повышал голоса. Что давало возможность этому человеку оставаться интеллигентным при любых обстоятельствах? Думаю, талант руководителя и большие знания в области строительства.

Коллеги звали Голланда инженером с большой буквы. Говорил он очень мало. Но понимали его с полуслова. Специалисты, работавшие с Владиленом Александровичем, не боялись его немилости, но боялись, что он перестанет их уважать. Кстати, уважая, он никогда никого особо не хвалил. Но по выражению глаз можно было понять, что Голланд тебе доверяет: его взгляд становился теплым, приветливым. А когда он начинал смотреть на тебя невнимательно, холодно, как бы сквозь, это означало, что за хорошего специалиста он тебя не держит.

Уроки Левицкого

А сейчас я хотел бы вернуться к нулевому циклу моего жизненного пути. И начну свой рассказ со школьных лет.

Что у нас в Костроме было особенного в то время, когда я учился в школе? Конечно, сама школа № 9: она шефствовала над бронзовым бюстом маршала авиации Новикова, установленным на пересечении улиц Симановского и Комсомольской, а маршал Новиков шефствовал над школой № 9. Он даже несколько раз приезжал к нам, суровый такой с виду мужчина. И мы, мальчишки, стремились попасть в Высшее училище гражданской авиации, где Александр Александрович Новиков был начальником.

Учащиеся школы № 9 на благоустройстве сквера у бюста А.А. Новикова

Главный маршал авиации А.А. Новиков в гостях у школы № 9

Когда стало известно, что из-за близорукости мне никогда не учиться в этом училище, я сильно переживал. С трудом привыкал к мысли, что летчиком уже никогда не стану. Потом подал документы в наш технологический институт: там как раз открывали новую специальность «Автоматизация технологических процессов». Но и тут мне не повезло, несмотря на то, что я набрал при поступлении 18 баллов из 20. На новую специализацию повалили уволенные из армии ребята, которые проходили без конкурса. В результате у нас, выпускников школ, конкурс вырос до пятнадцати человек на место. В общем на специальность «Автоматизация технологических процессов» я не прошел.

Совсем пасть духом мне не дала моя тетья, которая преподавала физику на факультете первичной обработки лубоволокнистых материалов.

— Иди к нам, в «первичку», — посоветовала она. — С такими оценками тебя сразу возьмут.

Я согласился, хотя и без всякого энтузиазма. Но потом ни разу в жизни не пожалел, что попал на этот факультет. Во-первых, потому, что очень много толковых ребят туда пришло. А во-вторых, на факультете преподавали великолепные, талантливые Николай Николаевич Суслов (бывший ректор КТИ) и Игорь Николаевич Левицкий.

Выпускники «первички», как мы любовно называли свою специальность по первичной обработке льна, всегда получали назначение непосредственно на

И.Н. Левицкий

Н.Н. Суслов

производство, причем сразу на должности главных инженеров или директоров льнозаводов. А что такое льнозавод? Это компактное предприятие, где нужно быть сведущим во всех вопросах: энергетике, экономике, сантехнике, механике, строительстве. И нас всему этому учили.

Вообще учили всему, с чем можно встретиться на производстве. Мы, студенты, принимали участие в строительстве корпусов технологического института и в ремонте оборудования. А в рабочие перерывы наши преподаватели говорили с нами обо всем. С полной ответственностью могу сказать, что именно тогда я получил главные уроки жизни от Игоря Николаевича Левицкого, преподавателя технологии производства машин.

— Слушай других людей всегда, — говорил Игорь Николаевич. — Даже когда знаешь все сам — не спеши, слушай. Когда поймешь, что твое мнение не расходится с мнением человека, который что-то предлагает, поддержи того человека. Если чувствуешь, что ты прав, а он не прав, то тогда убеди его в своей правоте. Если ты вообще ничего не знаешь — выслушай одно мнение, второе, третье, найди золотую середину. В такой ситуации, по крайней мере, дураком не покажешься. Когда твое мнение совпадает с чьим-то, не говори об этом, а просто скажи, что ты согласен с этим человеком.

Уроки Левицкого мне особенно пригодились, когда я стал первым заместителем председателя горисполкома по строительству.

На всю жизнь осталось со мной и напутствие моих любимых преподавателей: «Не работай за оценку, делай то, что пригодится». Польза от дела действительно приятнее всякой оценки. Я понял это, когда проходил преддипломную практику

На репетиции в танцевальном коллективе с Т. Голубевой

на одном из льнозаводов в Псковской области. Сделал там дипломный проект по пневматическому удалению отходов и вскоре получил отзыв: «Ваша разработка на сто процентов внедрена в производство». Таким отзывом я гордился во сто крат больше, чем всеми своими отличными оценками в зачетке вместе взятыми.

В студенческом ансамбле я отвечал за чемодан. Большой такой чемоданище: когда концерт заканчивался, мы набивали его напитками — в основном портвейном и болгарским вином «Бисер» по два рубля двадцать копеек за бутылку. И я, как ответственный, должен был тащить этот огромный чемодан, следить за его содержимым, чтобы оно не разбилось или не «испарилось» раньше времени. Сразу после выступления, прямо в костюмах, мы бежали к поезду. И часто опаздывали. Тогда только-только появилась песня: «Опять от меня

сбежала последняя электричка, и я по шпалам, опять по шпалам иду домой по привычке». Мы ее выучили и постоянно пели. Однажды, помню, в Галиче часа три ходили по шпалам под эту песню.

С институтом у меня вообще связано очень много воспоминаний. Например, работа на стройке. Студенты с первого курса занимались строительством корпуса «Г» технологического института: клали стены, штукатурили, устанавливали оборудование. Или художественная самодеятельность: на третьем курсе меня затащили в танцевальный ансамбль, и я стал солистом. Хотя, положив руку на сердце, неправда, что затащили. Я любил танцевать. Учился этому чуть ли не с младших классов в Доме народного творчества у Николая и Галины Бакиных, у Идеи Ивановны Пименовой, во Дворце пионеров — когда руководителем ансамбля был Иштван Иштванович Микита.

Выступление коллектива ансамбля песни и пляски костромского Дворца пионеров на стадионе "Спартак"

В нашей группе только Женя Токмаков и я были костромичами, остальные — приезжие из других городов и деревень. Жили они в общежитии на улице Лагерной. В этом общежитии меня всегда встречали с энтузиазмом, потому что я владел магнитофоном «Чайка-2М» — самым крутым по тем временам. Часто я оставлял его во временное пользование какой-нибудь общежитской компании. И тогда магнитофон начинал жить своей, отдельной от меня жизнью. В общежитии его знали все. Когда я приходил, спрашивал у вахтера, где мой магнитофон. Тот начинал подробно вспоминать: в девять вечера он был в такой-то комнате, в двенадцать ночи — в такой-то, в два часа ночи — в такой-то.

Сын Дмитрий у мотороллера "Тула-200М"

Кроме знаменитого магнитофона я имел подержанный мотороллер «Тула-200М». Ни у кого из наших студентов такого не было, а мне отец купил. Отслуживший свой век мотороллер первоначально

отказывался заводиться и ездить. Но я его отремонтировал и даже улучшил подвеской от «ковровца» и фигуркой оленя от старой «Волги». И с шиком подкатывал на нем к институту.

Наша институтская самодеятельность пользовалась успехом. Тогда ведь не у всех были телевизоры, поэтому на концерты студенческой самодеятельности ходили. Кстати, смотреть было на что: у нас был великолепный оркестр «В джазе только девочки», замечательный хор. В хоре пела самая, на мой взгляд, красивая девушка в нашем институте — Женя. Тогда я еще не знал, что она станет моей женой.

Поэт Евгения Авдиенко

Женя

Я обратил внимание на Женю, когда она пела песню из кинофильма «Гусарская баллада». Высокая, худенькая, носик вздернутый, и от этого казалось, что она на всех нас смотрит сверху вниз. Она мне понравилась. Но надежды на взаимную симпатию не было никакой. И все же я решил ее добиваться.

Помню, мы выступали в Буге, в старом Доме железнодорожников. Там перед нашим концертом огромный плакат вывесили: «Выступают артисты народной филармонии — студенты Костромского технологического института». Концерт шел два с половиной часа. Нам устроили овацию, вызывали на бис. Женя тоже выступала на этом концерте. Я изо всех сил старался ее потрясти. Но не потряс.

Женя продолжала меня не замечать. У нее была своя компания, ведь она училась на два курса младше меня. В те годы начал появляться КВН и получилось так, что мы с Женей оказались в одной команде. Помню, я вышел на сцену, объявил, что сейчас спою, и стал молча открывать рот. А Женя за кулисами пела за меня красивым голосом: «Я у мамы одна, я у папы одна». Номер имел огромный успех.

Женя действительно была одна у мамы и папы. Папа ее был военным. Мама работала главным инженером в областном управлении пищевой промышленности. И жили они «богато»: имели двухкомнатную «хрущевку». А мои родители жили в старой маленькой квартирке во втором квартале улицы Ленина. Мама работала портнихой, а отец — столяром. Я запомнил на всю жизнь, как однажды по улице мимо меня прошла Женя со своими родителями. Она гордо шла между папой и мамой, не глядя по сторонам. Что-то екнуло у меня в груди.

Я не помню, как пригласил ее погулять. Но она вдруг согласилась! Потом была Пасха, мы пошли к церкви на улице Лавровской. Потом были встречи, первое

Первые шаги к семейной жизни

прикосновение к ее руке, поцелуи. Мы решили пожениться. Я оканчивал институт, а моей избраннице оставалось учиться еще два года.

Пошли к ее родителям. Они спросили меня:

— Как думаете жить? Где?

— Если разрешите, — ответил я, — то мы у вас проживем.

От такой наглости родители Жени опешили.

Когда мы подали заявление в ЗАГС и моя невеста с матерью поехала в Москву за свадебными нарядами, ее отец пригласил меня в ресторан, чтобы серьезно поговорить. Мы сели, выпили по первой стопке, и он сказал:

— Я думаю, что вам нельзя жениться. У вас ничего нет: ни квартиры, ни обстановки, ни работы. Женя еще учится, а тебе после института в армии служить.

В общем стал уговаривать меня отказаться от женитьбы. Но я упорно стоял на своем:

— Устроюсь на работу. Все у нас будет, главное есть любовь.

Мой будущий тесть сдался, и мы выпили по второй.

Рядовой Коробов

Новая семья Коробовы – Авдиенко

Вскоре после свадьбы я получил диплом и распределение главным инженером на Островский льнозавод. Но поскольку через несколько месяцев меня должны были забрать в армию, льнотрест не стал отсылать меня из Костромы,

На привале во время учений

а оставил до службы в своих ремонтно-механических мастерских инженером-конструктором.

Служил я в Моршанске, в роте обслуживания войск ПВО. Перед Новым годом в «учебку» зашли «старики»:

— Ну, салаги, — обратился к нам самый уважаемый из них, — что умеем делать?

Мы притихли.

— Чего молчите? — продолжал «старик». — Праздник на носу, надо с концертом нам помочь.

— Я сплясать могу, — решился я.

— А что можешь?

— А все: «цыганочку», «яблочко», испанский.

— Ну, пошли с нами, — «старики» сразу оживились и подобрели.

Я служил вместе с нынешним художественным руководителем ансамбля Рыбниковой Валерием Соловьевым, который к тому времени уже окончил консерваторию. Вот мы с ним да еще трое ребят и делали все концерты, все офицерские вечера. А позже один капитан из политотдела полка, который отвечал за художественную самодеятельность, предложил мне работать заведующим гостиницей и почтальоном. Я не знал, что это за должности и побежал к «старикам» советоваться.

— Ты дураком будешь, если откажешься, — в один голос заявили «старики». — Иди и немедленно соглашайся.

Джазовый квартет роты обслуживания полка ПВО

Я согласился, и у меня началась хорошая, можно сказать, вольная жизнь.

С утра, на разводе капитан спрашивал:

— Коробов, сколько тебе нужно человек?

И я любых парней выбирал себе в помощники. «Стариков» в основном. Они гостиницу убирают, а я — в город, за почтой. Потом, когда уже стал сержантом, служил во взводе химзащиты. Тут хорошо помогли мои институтские знания. Мне даже доверяли вести занятия с солдатами.

Домой я вернулся, когда супруга моя еще не закончила учебу. Поэтому надо было оставаться в Костроме. Мой хороший знакомый Слава Пашкевич, старший технолог завода деревообрабатывающих станков, позвал к себе технологом.

Освоился я быстро. Зарплата по тем временам была хорошая — 90 рублей. Буквально через два месяца мне предложили должность старшего мастера сборочного цеха с окладом в 120 рублей. Домой пришел гордый.

— Вот еще немного поработаю и начну получать по двести рублей в месяц, — заявил я Жене. — И ты у меня будешь дома сидеть, детей воспитывать, а я буду тебя обеспечивать.

Вот какой самонадеянный был по молодости.

Сейчас смешно вспоминать свои домостроевские планы насчет Жени. Конечно, дома сидеть она отказалась. Работала всегда, кроме разве что декретных отпусков. Иногда зарабатывала даже больше меня.

Но тогда, еще студенткой, она сделала вид, что согласна всю жизнь сидеть дома. Мы купили ковер и диван в кредит и очень этому радовались.

Я быстро освоился на ДОСе, научился читать чертежи. Мы собирали шлифовальные станки и автоматические линии для шлифовки древесностружечных плит. Порой мне удавалось почти интуитивно находить причину неполадок в автолиниях. Со мной стали считаться.

Мотор-редуктор

Из-за неритмичных поставок материалов и комплектующих завод работал неровно: вначале месяца (дней десять) — простои, в конце месяца (опять же дней десять) — авралы. Я, как руководитель, был обязан находить работу для людей во время простоев, чтобы они не разбегались по домам или, что еще хуже, не начинали от безделья пить прямо в цехе. Я придумал чистку и смазку комплекса рольгангов. Сидят, бывало, в начале месяца мои мужички с восьми утра, разбирают валы, смазывают их и собирают обратно. Начальник цеха нардоваться не мог тому, как спокойно у меня на участке вел себя народ.

Все складывалось хорошо, но одно было плохо: на этом производстве мне не светила квартира. А я очень хорошо помнил свое обещание теще и теще «пожить у них недолго». Чтобы решить квартирный вопрос, я ушел с завода в горводоканал, где в то время с жильем было легче. В моем устройстве принял участие сам директор водоканала Борис Федорович Александровский. Он пред-

ложил мне стать инженером по технадзору в отделе капитального строительства. Я честно признался ему, что строительным делом занимался только в студенческом стройотряде. Но Александровского это почему-то не смутило. Сказав: «Ничего, научись», он отправил меня в отдел капстроительства.

Н.П. Журавлев и Б.Ф. Александровский на строительстве очистных сооружений водопровода на ул. 1 Мая

Начальник этого отдела Николай Петрович Журавлев, отличный строитель, фронтовик, очень смелый и независимый человек, принял меня с презрением. Николаю Петровичу не понравилось, что я устроился к нему через директора. Кроме того, он терпеть не мог тех, кто ничего не соображает в том деле, за которое берется. Журавлев презирал меня абсолютно. И поставил курировать строительство коллектора канализации на Черной речке в полной уверенности, что я засыплюсь через день, максимум через два.

Так бы оно и случилось, если бы не журавлевский заместитель Николай Дмитриевич Соколов. Он буквально сжалился надо мной и дал мне СНИПы.

— Читай, сказал он, — изучай. Если голова работает — через неделю будешь кое-что понимать в строительстве.

Вот тут-то мне в первый раз и пригодилась наука моего институтского преподавателя Левицкого, который учил слушать людей, особенно хороших специалистов. На строительстве коллектора тогда работал прорабом замечательный

строитель Николай Барков. Вот его-то я и стал слушать, потому что сотой доли не знал того, что знал он.

Приезжал на объект на том же студенческом мотороллере, спрашивал Баркова, как он думает строить, в какой последовательности. Барков мне все рассказывал, а я запоминал, как подбивать основания, как делать чеканку стыков труб, как делать лотки в канализационных колодцах. Затем дома все записывал, что запоминал. А уже через какое-то время снова ехал к Баркову и смотрел, так ли у него все делается или не так. И если замечал, что не так, узнавал у строителей, в чем причина. Чаще всего все нарушения были от нехватки комплектующих. И я помогал доставать эти комплектующие. В общем старался.

Журавлев тем временем ждал, когда на меня начнут жаловаться и писать докладные. Но проходило время, а докладных никто не писал. Мало того, по строительству начали ходить обо мне положительные отзывы, чему я сам несказанно удивлялся: якобы я много чего советую полезного. И тогда Журавлев, поскольку он этим слухам не верил, решил проверить меня самолично. Вызвал к себе и стал спрашивать, как на экзамене. Он «парил» меня часа два, но я на все вопросы ответил. Отпустил меня с мрачным видом, но презирать перестал.

Здание реагентного хозяйства очистных сооружений водопровода (бывшие Рыбные ряды)

А однажды наступило время, когда он меня зауважал. Мы строили комплекс подготовки реагентов для очистки воды, так называемое реагентное хозяйство. Закупили спецоборудование: емкости, насосы, дозаторы, мешалки, трубы. А мотор-редуктор забыли заказать. А между тем это такая важная и дефицитная вещь, что просто невероятно, как могли о нем забыть. Все сроки прошли, и, конечно, никто не надеялся, что наряд в Госснабе подпишут.

В полном отчаянии Журавлев послал меня в Москву. Это была первая служебная командировка в моей жизни. Перед поездкой я выслушал много рассказов о том, как трудно что-либо выбить в Госснабе и как долго приходится ходить там по кабинетам даже очень опытным снабженцам.

Сын родился

ку и детское белье (в Костроме таких вещей в те годы было не купить). Все это аккуратно упаковал, отвез на вокзал, сдал в багаж.

Потом пошел по продуктовым магазинам покупать колбасу, сливочное масло, конфеты, пепси-колу (этих продуктов в Костроме тоже не было). Все это богатство я так же аккуратно упаковал в коробки и отвез на вокзал в камеру хранения. На четвертый день я налегке сходил в Госснаб и взял наряд на мотор-редуктор.

Вернулся в Кострому счастливый: все успел! Журавлев вызвал меня сразу:

- Ты чего так быстро вернулся?
- Я все сделал.
- А наряд на мотор-редуктор?

Н.Д. Соколов

Утром, сразу с поезда, я пришел в знаменитое здание Госснаба. К своему удивлению, я сразу нашел нужный кабинет, представился, сказал, откуда я, что мне нужно. К еще большему моему удивлению, меня очень дружелюбно выслушали, тут же подписали все бумаги и сказали, что наряд на мотор-редуктор я получу через четыре дня. Мне не отказали!

Я вышел на Тверскую, не веря своему счастью: управился за час, а до получения наряда оставалось еще четыре свободных дня. Я решил их потратить на покупку подарков для семьи. Мы с женой как раз ждали первого ребенка. Вначале я купил коляску и детское белье (в Костроме таких вещей в те годы было не купить).

Все это аккуратно упаковал, отвез на вокзал, сдал в багаж.

Потом пошел по продуктовым магазинам покупать колбасу, сливочное масло, конфеты, пепси-колу (этих продуктов в Костроме тоже не было). Все это богатство я так же аккуратно упаковал в коробки и отвез на вокзал в камеру хранения. На четвертый день я налегке сходил в Госснаб и взял наряд на мотор-редуктор.

Вернулся в Кострому счастливый: все успел! Журавлев вызвал меня сразу:

- Ты чего так быстро вернулся?
- Я все сделал.
- А наряд на мотор-редуктор?
- И наряд подписал.

Его лицо стало таким, как если бы я сказал ему, что только что слетал на Луну и вернулся обратно. Я вырос в его глазах. Журавлев стал разговаривать со мной как с равным, уважительно. С тех пор я начал ездить в самые ответственные командировки. И что удивительно: мне удавалось добывать для водоканала необходимое оборудование и материалы. Хотя, признаюсь, никакими особыми снабженческими талантами я не обладал.

В это время Николай Дмитриевич Соколов, мой первый заступник на водоканале, перешел на работу в управление коммунального хозяйства города — горкомхоз. Он был назначен туда главным инженером, а меня пригласил работать старшим инженером.

Я сразу согласился, потому что теперь мне предстояло делать то, чем я уже практически занимался, работая на водоканале: развитием городских инженерных сетей и коммуникаций.

С этого момента события начали развиваться стремительно. Николая Дмитриевича Соколова неожиданно пригласили вернуться в горводоканал уже начальником. А в горкомхозе произошла рокировка. И я стал главным инженером. Решение назначить меня на эту должность приняли Виталий Федотович Широков, в то время председатель горисполкома, и Вольдемар Петрович Голубев, его заместитель.

Должен сказать, назначая меня, двадцатипятилетнего юнца, на такую ответственную должность, Широков и Голубев рисковали собственной карьерой. Если бы я не справился, им бы тоже было несдобровать. Во времена жесткой партийной дисциплины за своих выдвиженцев отвечали собственной должностью.

Так, Вольдемару Петровичу Голубеву вскоре пришлось поплатиться за свою ошибку в подборе кадров. Он порекомендовал на должность начальника домостроительного комбината некоего П. Этот П. «завалил» работу предприятия, не справился с выполнением госпрограммы. Первый секретарь обкома партии Юрий Николаевич Баландин не стал долго разбираться в причинах плохой работы ДСК, а сразу спросил:

— Кто на ДСК директор? П.?

— Да, — отвечают ему, — П.

— А кто его туда рекомендовал? Голубев? Вот Голубев пусть теперь все и расхлебывает.

И отправил Вольдемара Петровича директором на домостроительный комбинат. Раньше партия все вопросы решала — казнила и миловала. А первый секретарь обкома был практически самодержавным владыкой области.

У Вольдемара Петровича сразу после этого начались неприятности со здоровьем — открылась язва. Он уволился с домостроительного комбината и пришел работать начальником горкомхоза. Так наши дороги еще раз пересеклись. Но я забежал несколько вперед.

А в то время у меня, только что назначенного главного инженера горкомхоза, не хватало духа занять предложенный мне отдельный кабинет. Я продолжал сидеть, как простой старший инженер, вместе с другими работниками. А начальник горкомхоза Лев Муратович Именгулов каждое утро с удивлением смотрел на меня: боишься, мол, что ли? Я придумывал отговорки типа: бумаги еще не привел в порядок. А в самом деле действительно боялся.

Именгулов был очень хороший человек, спокойный такой, тактичный. Он прекрасно видел, что «киты» городского строительства — начальники и главные инженеры ДРСУ, спецавтохозяйства идут к нему в кабинет решать все вопросы, которые должны были решать с главным инженером горкомхоза, то есть со мной.

Я пересел в отдельный кабинет, повесил табличку: «Гл. инженер Б.К. Коробов». Но это не возымело действия. Раньше «киты» безразлично шли мимо моего стола, теперь так же безразлично — мимо моего кабинета. Признаюсь,

Руководители области, города, академии ЖКХ им. Памфилова, жилищно-коммунального хозяйства области и города на научно-практической конференции

это было очень тяжело наблюдать. Я уже вник во всю техническую документацию, Именгулов советовался со мной, прежде чем говорить с «китами», но они по-прежнему мне не доверяли.

Тогда я вновь применил на практике науку моего любимого учителя. Пошел к «китам» сам: слушал, советовался, обсуждал дела. В то время предприятия и организации заказывали у нас документацию на строительство дорог, скверов, парков. Я понял, что надо делать: главный инженер коммунального хозяйства должен держать в руках всю перспективу развития города. Рассудил так: чем дальше я буду видеть эту перспективу, тем нужнее стану специалистам городских предприятий.

И мы начали планировать крупные работы: строительство улиц Костромской, Береговой, расширение проспекта Мира и Галицкого шоссе, строительство транспортных развязок в двух уровнях, расширение путепроводов на улице Советской и в Черноречье. В смысле средств время было золотое: денег хватало. Мешала одна проблема: не хватало материальных ресурсов.

Но капитальное строительство материальными ресурсами обеспечивалось — на каждый рубль выделенных средств материальных ресурсов выделялось тоже на рубль. Кроме того, были еще и внелимитные деньги на капремонт, средства на текущее содержание объектов городского благоустройства. В общем надо было только не лениться и осваивать эти средства. И мы не ленились.

Начали развивать и строительную базу дорстройуправления. Сами проектировали и создавали свою службу, которая начала заниматься строительством хозспособом. Проектировали и строили асфальтобетонный завод (кстати, он и теперь работает), реконструировали строительную базу на улице Сутырина, в спецавтохозяйстве возвели боксы. И все своими силами.

Но вот Именгулов ушел на пенсию. И его заменил Вольдемар Петрович Голубев при обстоятельствах, о которых я уже рассказал выше. Обстоятельства в каком-то смысле трагические. Я очень сочувствовал Голубеву, но одновременно был рад тому, что его «понизили» не куда-нибудь, а к нам в управление. Я ждал, что при нем начнется интересное время. И не ошибся.

Голубев хорошо знал проблемы города и много чего умел делать. Вначале Вольдемар Петрович проверил, что сделал я. Для этого поехал со мной в облплан на улицу Пятницкую (теперь в этом здании находится облфинуправление). Пошли мы с ним по отделам и в какой бы отдел ни пришли — везде находили планы нашего строительства, везде имелась документация, везде — перспектива. Я видел, что Голубев остался доволен, и искренне радовался тому, что в горкомхозе появился начальник, который поддерживал мое стремление работать на перспективу.

Я вплотную занялся проектированием и строительством баз. «Киты» уже общались со мной, обсуждали все свои дела. Кстати, я даже не заметил, как наше общение из вежливо-официальной фазы перешло в дружески-деловую. Мы вместе ездили в Москву «выбивать» комплекс оборудования для асфальтобетонного завода. «Выбили», привезли. В Советском Союзе тогда только три таких завода было.

Потом «пробили» для города четыре трактора «Кировца» (К-700). В Шарье сделали мощные ножи, которые предназначались для расчистки лесосек, установили их на «Кировцы» — получились хорошие машины для очистки города от снега. До сих пор работают.

Мостовики

В моей жизни сыграли очень большую роль мостовики — представители особой строительной касты, которые занимались возведением путепроводов: мостов, подземных переходов, транспортных развязок. Мне посчастливилось долгие годы сотрудничать с Ярославским мостоотрядом № 6. Специалисты здесь были замечательные. До сих пор помню обоих начальников мостоотряда: Николая Васильевича Быкова и Николая Александровича Смотрина, главного инженера Прудникова, начальника участка Юрия Александровича Кочетова. Мостоотряд № 6 строил у нас в свое время мост через Волгу (это было еще до меня) и автопешеходный мост через реку Кострому. В этом строительстве я принимал непосредственное участие в качестве начальника управления коммунального хозяйства города Костромы.

Как я сейчас понимаю, это была очень хорошая школа пунктуальности и технологичности, но крутиться мне приходилось буквально как белке в колесе.

Мостоотряд № 6 ведет строительство моста через реку Волгу в Костроме

Близится к завершению строительство моста

Руководители мостотреста и мостоотряда № 6 (в центре начальник костромского участка Ю.В. Кочетов)

Делегация коллективов Дмитровского района шествует на торжественный митинг по случаю открытия моста (впереди первый секретарь райкома КПСС Э.В. Авхимков)

Планерка по строительству транспортной развязки на улице Советской через железнодорожные пути

Ведь я практически находился между исполнителями работ — мостостроителями и основным заказчиком — УКСом облисполкома.

Все, кому хоть раз в жизни доводилось работать одновременно с заказчиком и исполнителем на крупном объекте, меня поймут. Не вдаваясь в детали, попытаюсь вспомнить самое главное. Вместе со строительством мостов надо было строить подходы к этим мостам, переходы, развязки, благоустраивать набережную, укреп-

Проектировщики-благоустроители института "Костромагражданпроект"

лять берега. Для проектирования всего этого была создана мощная группа инженеров-проектировщиков при институте «Костромагражданпроект». Возглавил эту группу Сергей Данилов.

Монтаж конструкций моста через реку Кострому

Только для того, чтобы сваи забить, надо было вынести из зоны строительства все коммуникации. Ведь водопровод, телефонная коммуникация, электрокабели попадали в зону засыпки и могли оказаться на глубине 15–20 метров. Строительство мостов — это комплекс разнообразных работ. Успели сделать сам железобетонный путепровод, а подходов нет, значит, мост бесполезный. У мостовиков его не принимают, а они должны отчитаться и дают на «коммунальщикиков»: стройте подъезды, возите грунт. А у нас это дело — вне лимитных источников, то есть материалы надо самим искать. Грунт начали возить, а трубы, задвижки найти — проблема. Случались трудности и похлеще.

Так, при строительстве моста через реку Кострому подъездные пути вели со стороны центральной части, с улицы Островского. А там — территории предприятий:

Стройплощадка моста через реку Кострому

завода имени Красина, речного порта, комбината имени Ленина. И везде закрыты коммуникации, теплотрассы, электрокабели, телефонные кабели. Надо все это успеть вытащить, чтобы не повредить или не засыпать на большую глубину. Надо было утрясти вопрос с переносом тяговой подстанции и сохранить вид на Ипатьевский монастырь.

И вот, чтобы сохранить инфраструктуру и не повредить архитектуру Ипатия, мы решили строить мост почти что вдоль реки Костромы: подъездная дорога идет вдоль реки, потом чуть поворачивает на мост, и мост соединяет берега под углом. Можно сказать теперь, что у нас единственный в России мост «вдоль» реки.

Сложные моменты были, когда при строительстве моста делали подходы и транспортные развязки на улице Советской, в районе железнодорожного вок-

Транспортная развязка над железнодорожными путями по улице Советской

зала. Там подход к мосту должен был подниматься на два с половиной метра, а это значило, что попадали под снос несколько многоэтажек. Мы спасли многоэтажки, но дорога получилась с уклоном. Если сейчас на это посмотреть, то вроде ничего особенного. Разве что архитекторы и дорожники могут заметить, что подход к мосту непривычен.

А тогда столько всего пришлось делать, чтобы вписаться в повороты и уклоны, согласовать со службами ГАИ! Там же еще наше СМУ по благоустройству города строило своими силами первый в Костроме подземный переход, который само СМУ и проектировало. Мы называли его «дорога в космос», потому что в то время там, как раз на выходе из перехода, находилось кафе «Космос».

Строили долго, нас все критиковали за сроки. Газета «Северная правда» даже карикатуру поместила: бабушка с внуком на коньках передвигается по замерзшей в переходе воде. Как мы старались, перекладывая десятиотверстную телефонную канализацию и водопровод, чтобы переход не затопило! Но увы, нам не удалось все сделать профессионально. Все-таки гидротехнические сооружения, которые требуют цемента специального состава, укладки бетона так, чтобы просадки не случилось, очень сложное дело для хозспособа.

Конец 60-х — начало 80-х годов вошли в историю как период «застоя». Но я теперь, спустя тридцать лет, смотрю на Кострому и вижу: то, что сегодня есть в городе хорошего в смысле благоустройства, сделано именно в тот «застойный период». А люди какие тогда были яркие! И это несмотря на то, что в то время действительно было гонение на все новое, неординарное и свободное, действительно был жесткий партийный режим, установивший беспрекословное подчинение нижестоящих вышестоящим.

Как говорится, пикнуть никто не смел против власти, тем не менее именно в это время в Костроме появляются талантливые, совершенно свободные по духу люди. Такие, как секретарь обкома партии Леонид Яковлевич Флорентьев,

И. Дедков

С.В.Н. Лебедевой, В.Я. Игнатьевым, С.В. Рубанковым в момент передачи очередной картины от горисполкома в дар музея

Т. Шувалова

Н. Шувалов

Е. Радченко

литературный критик Игорь Александрович Дедков, искусствовед Виктор Яковлевич Игнатьев, художники Николай и Татьяна Шуваловы, Евгений Вячеславович Радченко. Они пробивались, как трава между камнями на мостовой, и были заметны всем, и любимы, и уважаемы.

С появлением в районе железной дороги таких крупных предприятий, как мясокомбинат, заводы «Текстильмаш», «Луч», железобетонных конструкций начали случаться трагедии: гибли люди, которым приходилось идти на работу через железнодорожные пути. И я, став начальником жилищно-коммунального хозяйства, решил строить переход над железнодорожными путями. Но как это сделать, если строительство не включено в план ни одной строительной организации? Кроме того, было сложно построить протяженную безопасную конструкцию над действующими железнодорожными путями.

В Костроме был расквартирован мостовой отряд № 16, который занимался строительством мостов и путепроводов в основном в Ярославле и Иванове. Я понимал, что в необходимости строительства перехода надо убедить их. Собственно говоря, это удалось: жертвы на железнодорожных путях убедили бы кого угодно. Но мостовики сказали, что даже начать строительство без включе-

М.Ф. Спеглянин на строительстве пешеходного перехода

С. В. Макрушин

Пешеходный переход через железнодорожные пути

ния в план они не могут. И вот тогда мне помог Марьян Францевич Спеглянин, новый начальник мостоотряда, недавно приехавший к нам из Оренбурга.

На мое счастье, Марьян Францевич обладал тем же полезным для дела качеством, что и Голубков: умел найти подход к нужным людям, а найдя этот подход — не потерять. В Оренбурге Спеглянин также занимался строительством мостов. Он имел связи в Москве и теперь решил их использовать. Поехал в столицу, походил там по известным ему кабинетам и вернулся с нужной нам строкой в плане.

Буквально на второй день мы начали делать проект. Спеглянин оказался еще замечательным инженером и организатором. Это он скомбинировал металлические и железобетонные пролеты, что позволило сэкономить средства и уложиться в смету. Я думаю, что после строительства нашего перехода Марьян Францевич мог бы написать целую диссертацию о том, как возводить мост с опорами между рельсами через действующую железную дорогу, обойтись без несчастных случаев и даже не потерять при этом ни одной единицы техники.

От администрации города Костромы за этот объект отвечал Сергей Макрушин, работающий в то время главным инженером горкомхоза. Симпатичный, грамотный, энергичный руководитель, не уходил со стройки до завершения каждого этапа строительства. И переход был построен благодаря творческому и энергичному отношению к делу таких людей.

Бульдозеристы и экскаваторщики

Есть в строительстве такие специальности, что тяжелее некуда, а люди там работают тем не менее всю жизнь. Как это объяснить — не знаю. Вот, к примеру, бульдозеристы и экскаваторщики. Кроме нулевых циклов они всегда первые на тушении лесных пожаров, которых у нас в области случается не по одному за лето.

Юрий Дмитриевич Смирнов, например, всю свою сознательную жизнь проработал бульдозеристом Костромского управления механизации строительства (позже оно стало называться трестом «Спецстроймеханизация»).

В 1972 году в Костромской области выдалось особенно жаркое, сухое и ветреное лето. Загорелись торфяники, бушевали лесные пожары в Вохомском и Поназыревском районах. И бульдозерист Смирнов целых шесть месяцев провел в горящих лесах — боролся с огнем. Дважды оказывался на краю гибели: горевшие деревья падали прямо рядом с его бульдозером. Спал по три — четыре часа в сутки. За полгода получил десятки благодарностей и медаль «За отвагу на пожаре». Домой вернулся весь прокопченный и почерневший — одни зубы блестели. Похвастался наградой. Жена заплакала: «У тебя и без того полно наград, главное — жив остался».

Наград у Юрия Дмитриевича действительно много: два ордена — Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», четыре медали. Но главная награда — любовь и уважение домашних: жены, сына и дочери. Сын, кстати, тоже стал бульдозеристом, не испугался, уехал в Магаданскую область и работает там, где грунты тяжелее, чем у нас.

А вот бульдозеристу Николаю Зосимовичу Баданову приходилось рыть землю не только в России, но и в монгольском городе Эрдэнэт, где он строил горно-обогатительный комбинат. А когда в Костромской области загорелись мисковские болота, он поехал туда тушить пожар.

Неизвестно, что опаснее — работать в горящем лесу, когда на тебя валятся огромные факелы, или оказаться в кабине тяжелой машины там, где горящая в глубине земля в любую секунду может провалиться и похоронить тебя вместе с техникой. Но, видимо, прелесть этой работы в том, что она требует настоящих мужских качеств: физической силы, выносливости, решительности, смелости и ума. Вот почему, я думаю, оба брата Николая Зосимовича тоже стали бульдозеристами.

А теперь несколько строк об экскаваторщиках. Вениамин Сергеевич Разумов прошел через все реорганизации «Костромаспецстроя». Из рядового экскаваторщика вырос в бригадира участка экскаваторов. Рыл землю на строительстве областной больницы, мясокомбината на улице Деминской, торгового техникума, кинотеатра «Дружба», Коркинских очистных сооружений, ливневой канализации, завода деревообрабатывающих станков.

Иван Петрович Махаличев — экскаваторщик с 1959 года. Опытный, ответственный. Машина всегда в порядке, без простоев работала. На Семеновском ка-

рьере, добывая песок, всегда работал, забывая о времени. Заработал орден Ленина.

Я никогда не верил, что строителям-экскаваторщикам, получавшим зарплату с вырытого кубометра земли, все равно, что и где рыть. История Владимира Петровича Кренделева – тому подтверждение. Когда-то он вырыл котлован для одного из цехов механического завода. Но строительство заморозили лет на двадцать. Котлован затянуло грязью и водой. И вот недавно этот котлован понадобился ОАО «Фанплит» под новое производство. Первым, кто вызвался там работать, был Кренделев: оказывается, он помнил, что двадцать пять лет назад вырыл в том месте котлован.

Рафаил Гатаулович Мухлисов в армии был танкистом. Видимо, с того армейского времени и началась у Мухлисова любовь к тяжелым машинам. Уволился из армии – и на стройку экскаваторщиком. Участвовал в строительстве заводов автолиний, механического, «Мотордеталь», Коркинских очистных сооружений, Шуваловского свинокомплекса, давыдовских микрорайонов. Во время строительства городка ветролетчиков в Костроме не выходил из кабины экскаватора по две смены.

Конечно, здесь я упомянул не всех замечательных тружеников – рядовых армии копателей. Их сотни. В основном пишу о тех, с кем сталкивался больше: о начальниках маленьких, средних и больших. Но сколько бы я про них ни писал,

Бригада отделочников З. А. Смирновой

помню и понимаю одно: без рядовых исполнителей, трудяг не состоялся бы ни один начальник, ни маленький, ни большой.

Ну как тут не вспомнить Зою Ананьевну Смирнову, несмотря на то, что она не бульдозерист, не экскаваторщик! Бригадир отделочников СУОР-6, Герой Социалистического Труда, маленькая, милая женщина. Сколько раз она выручала не уложившихся в сроки сдачи объекта больших и сильных мужиков... Никто никогда не сможет подсчитать, сколько квадратных километров стен, потолков пошпаклевали, побелили и покрасили ее руки и руки ее подруг по бригаде! Как только на объект ожидалась комиссия или гости откуда-нибудь из Москвы, сразу вспоминали СУОР-6 и Зою Ананьевну и просили поработать. Потому что все знали: если она возьмется за отделку — никакая комиссия к объекту не придерется.

Я памятник воздвиг...

Так сложилось, что еще со времени моей работы в горкомхозе я стал ответственным за костромские памятники. Одними из них я горжусь, а с другими у меня связаны забавные приключения. Там, где сейчас известный всем костромичам комплекс — мемориал у Вечного огня, в начале 70-х было старое кладбище. Вокруг строились жилые районы. Никто на кладбище уже давно никого не хоронил, но трогать это место не решались. Так и вращалось кладбище в город. Вольдемар Петрович Голубев, тогдашний начальник горкомхоза, первым решил реконструировать эту территорию. Мы нашли постановление Совета министров СССР, в котором говорилось, что если с момента последнего захоронения на кладбище прошло двадцать пять лет, то его можно ликвидировать. Провели необходимую подготовительную работу, информационную в том числе. В газетах и по радио дали объявления с тем, чтобы люди, у которых там похоронены родственники, могли внутренне подготовиться к тому, что произой-

Мемориал у Вечного огня в начале 70-х годов

дет, а те, кто пожелает, пусть увезут памятники. Правда, за все время был востребован только один памятник.

Объявили конкурс на лучший проект реконструкции кладбища. Проектов представили много, и комиссия выбрала лучший. Решение о том, каким должен стать мемориал у Вечного огня, приняли в октябре, а уже к 9 мая надо было все сделать. К тому же инициатор этого дела Вольдемар Петрович Голубев заболел. Пришлось мне руководить стройкой.

Скульптура «Мать и воин» уже была (по всей стране после войны стояли эти бетонные памятники), а вот все, что сейчас вокруг, строили с ноября по май. Зимой строительство вести непросто. Чтобы ничего из построенного впоследствии не рухнуло, решили все ставить на буронабивные сваи. Скважины бурили ниже зоны промерзания, опалубку делали с подогревом, чтобы бетон затвердевал плавно. Затем из сборного железобетона делали каркасы, закрывали тепляками с электроподогревом. И, наконец, облицовывали гранитом и мрамором.

Я с утра до ночи пропадал на этой стройке. За десять дней до ввода сюда пришел секретарь обкома партии по идеологии Владимир Алексеевич Тупиченков. Прошелся, посмотрел и, ничего не сказав, ушел. А на следующий день меня вызвали в горком партии на ковер за срыв сроков сдачи объекта. Оказывается, Тупиченков доложил, что комплекс не будет введен в строй к 9 мая.

Но мы все сделали вовремя. Помог коллектив завода «Строммашина», с которым у меня были хорошие отношения. Там все гранитные плиты пилили и шлифовали. И 9 мая 1980 года, в великолепный солнечный день, людям, пришедшим к Вечному огню, открылась благоустроенная территория. Оцепление сдерживало толпу, ожидавшую официального открытия комплекса. И вдруг к военным, стоявшим в оцеплении, подошла женщина на костылях, с орденом на груди: «Разрешите возложить цветы». Ей отказали. Но я вмешался и попросил пропустить ее.

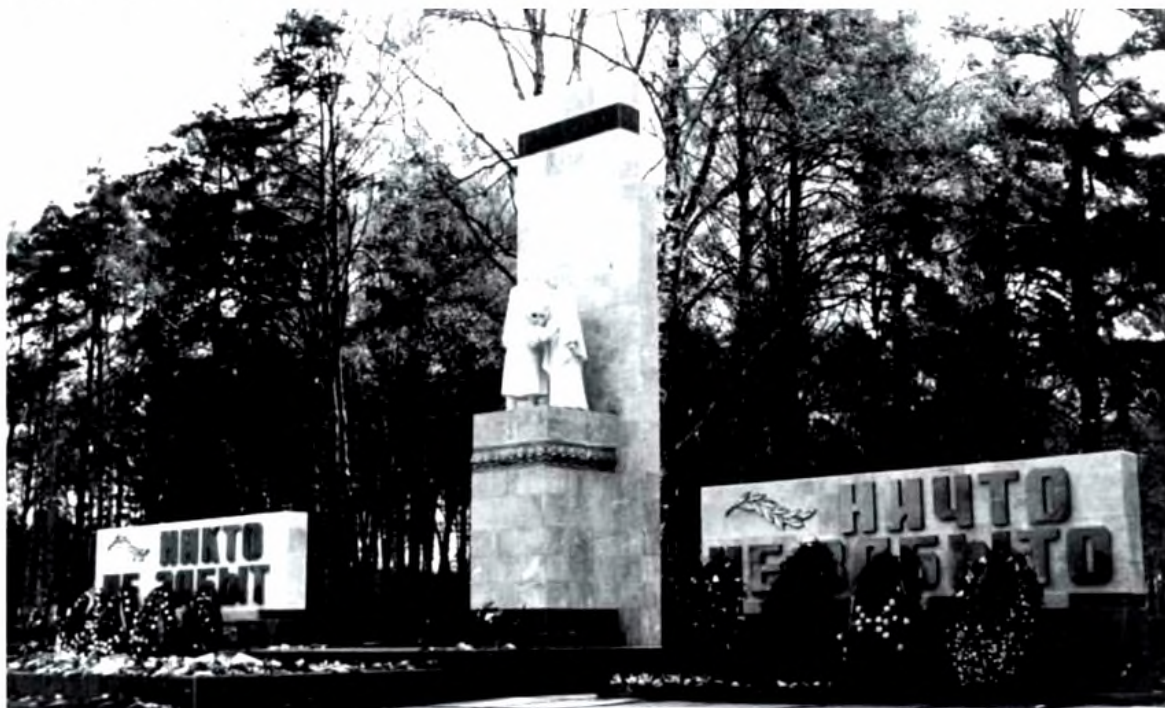
Коллектив управления водоканала во время открытия памятника после реконструкции

Возложение цветов строителями нулевого цикла города Костромы

Картина была потрясающая: в полной тишине по площадке из светлых плит шла маленькая женщина в черном, с алыми гвоздиками, на костылях. Она положила цветы. И только после этого грянул оркестр, ленточку разрезали, и люди пошли длинной, нескончаемой цепочкой возлагать цветы к Вечному огню.

Сияли на солнце мрамор и гранит, плескался огонь, сверкала надпись «Никто не забыт, ничто не забыто». Буквы делали на заводе «Текстильмаш» из алюминия, а сверху покрывали тонкими пластинами из желтого металла. И буквы, и герб — все было отлито нашими мастерами.

Мемориальный комплекс у Вечного огня после реконструкции

Сегодня, к сожалению, и буквы, и герб — из пластика. Увы, в России настало время варварства — цветной металл не держится, его воруют отовсюду, украли и отсюда. Сейчас мемориал у Вечного огня изменился: в него вошла небольшая часовня. Идея построить ее возникла у меня, а деньги дал президент строительной фирмы «Престиж» Сергей Галичев. Дело в том, что в душе у меня оставалась боль по снесенному кладбищу. Я чувствовал себя виноватым перед людьми. Сам по молодости лет не догадывался, а из старших никто не подсказал, что надо было оставить память: собрать все памятники старого кладбища в одно место, куда можно было бы возлагать цветы. Поезд, как говорится, уже ушел, а совесть мучила.

И тут возникла мысль поставить часовню. Встретил как-то Сергея Галичева и предложил ему эту идею. Он человек деловой, сразу спросил о том, кто платить будет. И когда узнал, что у меня в этой части на него вся надежда, ответил, что ему надо подумать.

Прошло какое-то время. Я уже перестал надеяться на Галичева и начал искать других спонсоров. Но Сергей вдруг сам ко мне пришел и сказал:

— Я согласен. У меня дед на том кладбище лежит. И прадед. Не знаю точно, в каком месте, но там.

Проект часовни сделали, построили быстро, хорошо. И Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II в первый свой приезд в Кострому освятил эту часовенку. Теперь там поминают всех: и солдат, погибших в боях, и тех, кто умер в госпитале, располагавшемся во время войны неподалеку, и тех, кто остался на старом снесенном кладбище.

Как-то Голубев сказал мне: «Ты должен “пробить” улицу Свердлова». «Пробить» — это значит провести ее дальше, построить: протянуть водоводы, канализовать. Когда мы это делали, то совершенно случайно на территории горзеленхоза, в мусоре, нашли колонну от первоначально-го памятника Ивану Сусанину. Колонну я раскопал

Часовня на бывшем кладбище у Вечного огня

Его Святейшество Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II благодарит С. Галичева

и спрятал, сообразил, что это ценная вещь, историческая. А в 1996 году мы эту колонну установили в сквере на площади Ивана Сусанина, на месте, где стоял памятник М. Романову и крестьянину И. Сусанину. Уверен, пройдет немного времени и этот памятник, так же как и площадь, будет восстановлен.

Случались у нас и курьезные истории, связанные с памятниками. В 1980 году задумали мы поставить на перекрестке улиц Магистральной и Голубкова танк на высоком постаменте. Идея принадлежала Виталию Федотовичу Широкову — он бывший танкист. Вопрос, конечно, возникал: почему танк в Костроме, если через наш город линия фронта не проходила. Но мы обосновали идеологически: танк будет установлен в честь костромичей, на средства которых в войну построили технику для двух танковых дивизий. Это было действительно так.

В общем работа закипела. Уже и плита с надписью была выполнена, и огромный постамент облицован, и танк Т-34 привез-

Один из вариантов памятника "Танк" на улице Магистральной

ли в Кострому, и с татарами-такелажниками договорились о том, что они леса подготовят и за ночь поставят танк — чтобы утром все проснулись, а танк стоит. Но тут внезапно приехал из обкома партии человек от первого секретаря Баландина и сказал буквально следующее:

— Разобрать немедленно. Сровнять с землей. И чтоб духу этого танка тут не было.

Мы, конечно, поинтересовались, в чем дело? Но ответа не получили, а только повторный приказ: сровнять все с землей. А позже узнали вот что: Баландина вызвали в Москву, показали документ Совета министров, запрещающий самочинно, без согласования с Совмином возводить монументы, и предупредили, что либо в Костроме не будет танка, либо его, товарища Баландина.

Если бы в Москве не узнали — стоял бы танку на пересечении улиц Магистральной и Голубкова. И ведь как глупо мы засветились: похвастались в газете «Северная правда», что в Костроме готовится к открытию мемориальный комплекс. А газета-то и в соседние области идет! Прочитали информацию про танк в Кирове или в Вологде (не помню точно) и поехали в Москву просить разрешения поставить точно такой же памятник у себя. А когда им сказали, что нельзя, возмутились: «А почему Костроме можно?»

Вот тут все и закрутилось. В результате мы были вынуждены постамент разобрать, гранитную облицовку снять. За сутки построили небольшой постамент у Дома культуры завода «Рабочий металлист» и поставили туда наш танк. Там он и стоит до сих пор.

К 825-летию Костромы исполком горсовета и горком партии поручили мне заняться проектом и установкой памятника, посвященного основанию Костромы Юрием Долгоруким. Предполагалось, что памятник будет установлен на перекрестке улиц Островского и Пятницкой, на месте первых городских построек, обнаруженных при раскопках. Директор института «Костромагражданпроект» Петр Петрович Щербинин сделал варианты памятника, предварительно сообщив, что собирается создавать что-то впечатляющее и в то же время простое, чтобы посмотрели и всем все стало понятно.

Первый вариант памятника на месте основания города

Посмотрел я на макет: бункер для сыпучих материалов какой-то. Видимо, на лице у меня было ясно написано, что я ничего не понял. Петр Петрович начал объяснять: мол, поскольку Кострома строилась из камней, то вот они здесь, на макете, четыре камня и есть, а наверху еще один, самый большой.

Пригласили Николая Степановича Тихомирова, первого секретаря горкома партии. Тот посмотрел и тоже ничего не понял. Но признаваться не стал, а предложил согласовать это дело с первым секретарем обкома партии Юрием Николаевичем Баландиным.

Вот собрались мы все вокруг макета: Щербинин, Тихомиров, Баландин и я. Вижу по лицам, что понимает, что такое представлено на макете, только один человек — автор проекта Щербинин. Остальные стоят, переминаются с ноги на ногу, смотрят, но мнения высказывать опасаются: вдруг этот «бункер» действительно произведение искусства. Тут Баландин говорит, что, мол, на таком маленьком макете ничего не видно. Все сразу закивали: действительно, не видно ничего. А посему надо сделать макет в натуральную величину и поставить там, где нужно, то есть на перекрестке улиц Островского и Пятницкой.

Ну, думаю, все, попался я: сейчас мне поручат эту штуку делать. И действительно, Тихомиров повернулся ко мне и говорит:

— Давай, Борис Константинович, делай. Спротивляться бесполезно.

Нашел я в ЖЭКе троих более или менее ухватистых мужиков, показал им проект.

— Надо, — говорю, — мужики, модель вот этого памятника в натуральную величину сделать.

Мужики на меня минут пять смотрели как на дурака, но согласились. Сделали из фанеры памятник. Нашли художников, которые разрисовали получившиеся фанерные коробки под мрамор, водрузили на перекрестке, как было сказано.

Помню, стою я, смотрю на это хозяйство и опять ничего не понимаю: бункер он и есть бункер, хоть и под мрамор разрисованный. Тем не менее жду начальство, которому виднее. Через некоторое время вижу: машина Баландина едет. Едет, едет, да и мимо проезжает, не останавливается. Потом гляжу — машина Тихомирова появляется. И тоже мимо проезжает.

Звоню Тихомирову:

— Что мне делать, Николай Степанович?

— Немедленно разбери все это дело, — отвечает он, — чтоб никто не видел.

Проходит немного времени, опять встречаемся мы со Щербининым.

— Нужен хороший камень, — говорит он мне.

— Уже были камни, под мрамор, — отвечаю я. — Недавно с мужиками разобрали их и выкинули.

— Нет, — продолжает Петр Петрович, — теперь я о натуральном камне говорю. Поехали на речку Кубань, там я как раз подходящий камешек видел.

И привозит меня Щербинин на берег Кубани (в том месте теперь шашлычная стоит). Из воды действительно огромный камень торчит.

— С секретарями обкома и горкома согласовано, — говорит, — вытаскивай.

Легко сказать — вытаскивай. А как? Хорошо у меня с татарами-такелажниками были нормальные отношения: они на судомеханическом заводе работали и выполняли роль грузоподъемных машин и механизмов — все новые катера в воду спускали. У них за главного был сообразительный мужик по имени Мухаметь. Привез я этого Мухаметя к камню. Он посмотрел, походил вокруг, покурил.

Б. Коробов и П. Щербинин на добытом камне из реки Кубани

— Давай, — говорит, — тысячу рублей, два трактора и машину подтоварника (бревен, значит). Остальное — наше дело.

Я доставил все требуемое. Такелажники врыли столбы, привезли блоки, привязали тросы к тракторам, обмотали камень, скомандовали — и через десять минут вытащили камень на берег. Когда мы увидели этот камушек около пятидесяти тонн весом, поняли: велик. Впоследствии его перевезли в Сусанинский район и установили на месте подвига Ивана Сусанина. Там он и по сей день стоит.

Камень из реки Кубани на месте подвига И. Сусанина

А для Костромы стали другой камень искать, поменьше. И вскоре нашли в пятнадцати — двадцати километрах от поселка Сусанино, на склоне пригорка. Но ведь голый камень не поставишь в качестве памятника. Надо доску, табличку какую-никакую к нему приделать.

Заказал я ее отлить в бронзе на заводе «Текстильмаш». Надпись придумал такую: «Здесь в 1152 году князем Юрием Долгоруким был заложен город-крепость Кострома». На всякий случай отлили две доски. Вдруг меня в горком партии вызывают:

— В табличке ошибка допущена. Нельзя слово «князь» писать. И слово «крепость» тоже. У нас ни князей, ни крепостей не должно быть.

Отлили еще одну доску. И за нее меня чуть не посадили в тюрьму: за кражу в особо крупных размерах. А получилось так. Прежние-то таблички надо было переплавлять и сдавать государству, а я решил из них наделать бронзовых сувениров. В те годы к нам начали люди из-за границы приезжать с визитами. И горкомхоз заставляли сувениры покупать, чтобы что-то иностранным гостям дарить на память. А их в продаже не было.

И вот на мытищинском заводе художественного литья наделали мне из забракованных бронзовых табличек маленьких мавзолеев, светильников в форме нашей каланчи и прочих мелочей — всего тысяч на пять, если в рублях считать. Но бронзу надо было как-то списать. И я списал ее через трест зеленого хозяйства. Якобы как использованную на памятник. Когда же трест зеленого хозяйства начали проверять, спросили: где те таблички? Нет. И дело завели. Спасибо Широкову: он меня спас.

А потом я занялся горельефом к памятнику. С художником из Ленинграда Игорем Сурским сделали гипсовую форму, собрали общественность. И началось! В общественности народу оказалось много: кому не нравится то, кому — это. Ну и «зарубили» горельеф.

Здесь началось строительство града Костромы

Фотография на память с гостями Костромы

Позже, в 1996 году, я все-таки воплотил в жизнь идею Сурского. Заказал картину, на которой был бы запечатлен день основания Костромы. Написал полотно замечательный художник Владимир Кутилин. В дни славянской письменности мы повесили в зале городской администрации гобелены Семеновых с видами Костромы и эту картину, на которой князь Долгорукий остановился на коне на высоком берегу Волги. Ни с кем не согласовывал, только с архиепископом Костромским и Галичским Александром посоветовался. Он всего одно замечание

С художником В. Кутилиным обсуждаем картину "Ю. Долгорукий – основатель Костромы"

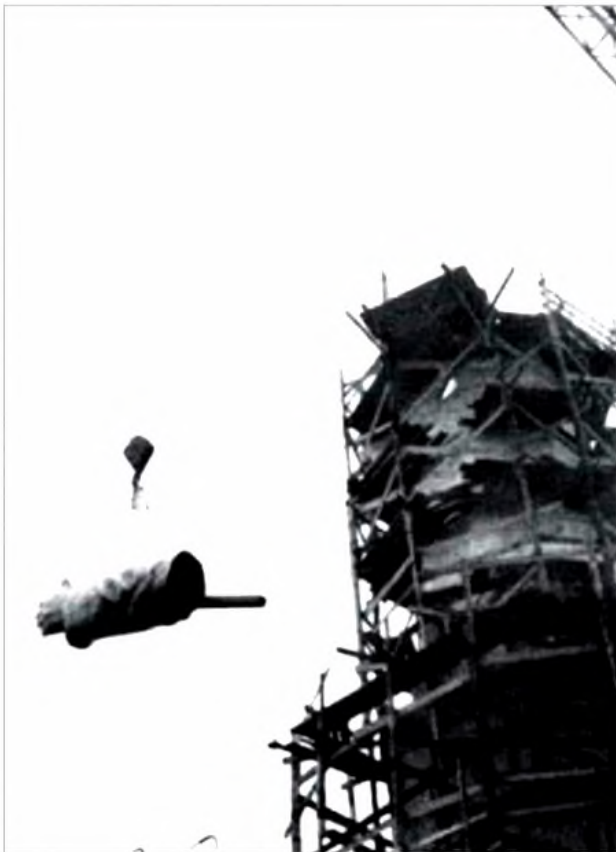
сделал: парню, который сидит на переднем плане, православный крестик надо бы иметь на груди. Кутилин крестик пририсовал.

Нескучные воспоминания связаны у меня и с памятником Ленину. Как известно, бетонная скульптура вождя стояла у нас на царском гранитном постаменте с 1928 года. И вот в 80-х годах на бетонной фигуре стали появляться трещины. В горькоме партии забеспокоились, как бы Ленин не развалился на глазах у народа. Мне предложили обследовать его и придумать, что делать.

Мы подогнали к памятнику пожарную машину. Пожарные выдвинули лестницу прямо к ленинскому лицу и приготовились наблюдать, как я полезу наверх. Перед этим один из пожарных предлагал заменить меня, но я отказался, поскольку думал, что это дело довольно легкое: подняться на тридцатиметровую высоту. Но особенности у пожарной лестницы таковы, что она широкая вначале, потом сужается и на высоте тридцати метров сильно раскачивается.

Так выглядела скульптура В. И. Ленина в 80-х годах

Сперва я лез довольно бойко, потом — с напряжением и дрожью в ногах и во всем теле. Поднялся до самого верха и остановился носом к носу с Ильичом. Трещины на скульптуре были аж в два пальца шириной и по голове, и по всему корпусу.

*Монтаж новых конструкций скульптуры
вождя из меди*

Я спустился. Пожарные уже смотрели на меня с уважением. Я сказал им: «Спасибо». И на ватных ногах пошел прочь, чтобы скорее скрыться с людских глаз. Дошел до «Дома книги» и рухнул. Буквально упал: подкосились ноги. Оглянувшись: вроде бы никто не смотрит. Посидел минут пятнадцать, успокоился и пошел на работу.

Потом, уже испытав на себе, почем фунт лиха, я очень сочувствовал фотографии «Костромагражданпроекта», которому так же, как и мне, пришлось подниматься к скульптуре Ленина, да еще и с фотоаппаратом, да еще и не раз, потому что скульптуру надо было сфотографировать со всех сторон.

Горком партии принял решение: бетонную фигуру Ленина демонтировать. Мы поставили вокруг памятника леса, сделали лотковую систему для сброса. Врезались отбойными молотками в голову вождя. Оказалось, что внутри Ленин не полый, как мы первоначально предполагали, а доверху набит битым кирпичом, бетоном и арматурой. Никогда бы этот памятник не разрушился. Знали бы это раньше — просто замазали бы трещины. И стоял бы Ленин еще много лет.

Но, как говорится, снявши голову, по волосам не плачут. Тем более, что голову Ленину с памятника действительно уже сняли и надо было разбирать фигуру дальше. Дело двигалось с большим трудом. Для того чтобы сделать новую фигуру вождя, пригласили московских специалистов. Сделали слепки со всех частей прежней скульптуры. В Москве с этих слепков выполнили бетонные отливки, по бетонным отливкам — медную выколотку. Потом на спецмашинах со спецпротяжением части будущей фигуры вождя доставили в Кострому. А здесь уже

Делегация горисполкома во время открытия памятника В.И. Ленину после реконструкции

Памятник В.И. Ленину после реконструкции

Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II во время освящения закладного камня памятника Ю. Долгорукому

сделали каркас — скелет из швеллеров — и к нему приделали все части фигуры вождя.

Любопытный момент: в 1980 году, когда мы проводили исследования городской среды на радиоактивность, вдруг выяснилось, что самая высокая радиоактивность, в 500 раз превышающая норму, у постамента, на котором стоит фигура Ленина. Как объясняют специалисты, это оттого, что гранит имеет свойство аккумулировать в себе солнечную и прочую радиацию.

В 1977 году я сделал первую попытку установить в Костроме памятник Юрию Долгорукому. Попытка успехом не увенчалась. Но я не отказался от этого замысла. Считал несправедливым то обстоятельство, что в городе стоят памятники Ленину и Свердлову, которые к Костроме не имели отношения, а памятника ее основателю нет. Должен Юрий Долгорукий присутствовать в Костроме! Вскоре после того, как меня избрали на должность главы администрации, мы встретились с художником Кутилиным, и я заказал ему картину с сюжетом из истории обязательно с Долгоруким. Кутилин выполнил заказ, и теперь это полотно украшает зал заседаний городской администрации.

Потом мы встретились с московским скульптором В.М. Церковниковым. Кстати, это была уже вторая наша встреча: первая произошла пять лет назад, и все по тому же поводу — созданию памятника Долгорукому в Костроме. Церковникову моя идея очень понравилась. Он загорелся желанием сделать скульптуру, стал искать в исторических архивах если не портрет, то хотя бы описание внешности Долгорукого. Но не нашел. Зато «раскопал» исторические записки с опи-

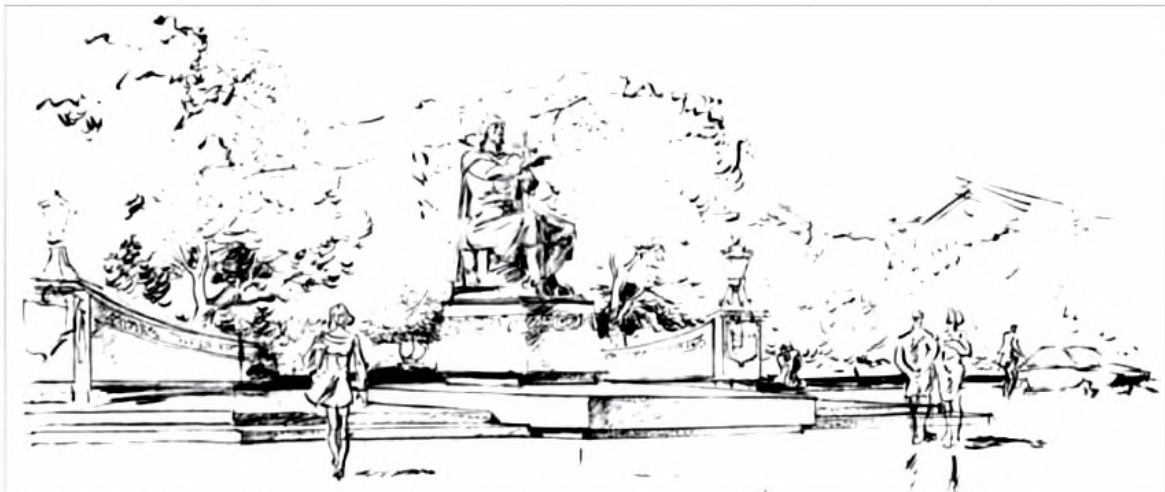
Конкурсный вариант памятника Ю. Долгорукому

санием деяний князя, по которым и создал первый портрет и скульптуру. Мэр Москвы Юрий Лужков посмотрел и раскритиковал эту скульптуру. Долгорукий, по мнению Лужкова, не мог быть таким худым, каким его изобразил скульптор Церковников.

— Это у вас не Долгорукий получился, — заметил Лужков, — а Дон Кихот.

Церковников стал ссылаться на «описание деяний», где указывалось на худобу князя. Тем не менее Лужкова послушался и окончательный вариант фигуры основателя Костромы и Москвы изменил, сделал Долгорукого чуть-чуть плотнее. Затем мы начали решать вопрос, где в Костроме ставить этот памятник.

Как раз в это время в Кострому приехал Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II. Мы попросили его освятить то место, где может стоять памятник. Выбрали в центре города площадь перед трансгентством. Совет архитекторов

Конкурсный вариант памятника Ю. Долгорукому

Конкурсный вариант памятника Ю. Долгорукому

с выбором места согласился. Но против выступили реставраторы, которые утверждали, что это место алтаря бывшей церкви, а в алтарях памятники не ставят. Я дал команду провести раскопки. В результате раскопок алтаря не обнаружили, но зато обнаружили ограду церкви, которая когда-то действительно стояла на этом месте. Мы приняли решение вынести памятник за ограду. Теперь уже все были «за».

Совместно с архиепископом Костромским и Галичским Александром закладываем фундамент памятника Ю. Долгорукому

Памятник для костромичей, памятник народный

Навсегда с костромичами

Архиепископ Костромской и Галичский Александр, мэр Костромы Б.К. Коробов, губернатор Костромской области В.А. Шершунев, скульптор В.М. Церковников во время открытия памятника

И случилось прекрасное совпадение: к этому времени наш архиепископ Костромской и Галичский Владыка Александр вернулся из Киево-Печерской лавры, где захоронен Юрий Долгорукий, и привез оттуда землю. Мы заказали капсулу на заводе «Строммашина», потом в эту капсулу положили землю, привезенную из

Настоящий праздник Костромы

Киево-Печерской лавры. В торжественной обстановке мы заложили капсулу в камень основания памятника, и Патриарх Московский и Всея Руси освятил это место.

То, о чем я сейчас расскажу, я не сообщал прессе: камень, из которого была выточена капсула, вдруг начал мироточить. Честно говоря, я испугался. Спросил у Владыки Александра, что это может быть. Он ответил, что это благодать Божья и пугаться не надо, наоборот, произошедшему надо радоваться.

Меня много критиковали за этот памятник: и что не там он стоит, и что деньги на него зря потрачены, и что автобусы и троллейбусы его закрывают от костромичей. Было мне от этого грустно всего два дня. На третий день я увидел, как к бронзовому Юрию Долгорукому подошли две пары молодоженов и положили ему на колени цветы. Я перестал грустить по поводу критики: памятник стал местом паломничества молодоженов, символом Костромы.

Перспективный план

В начале 80-х годов Борис Александрович Шиховцев, бывший тогда председателем горисполкома, предложил мне стать начальником отдела капитального строительства горисполкома. Предложение было заманчивым, но я уже, как говорится, прикипел душой к горкомхозу, вошел в курс всех дел и чувствовал себя там очень комфортно. Кроме того, именно здесь для меня наметилась перспектива роста: начальник горкомхоза Именгулов собирался уходить на пенсию.

Депутат городского совета народных депутатов Б. Коробов

лил в ответ:

— Если я буду начальником горкомхоза, то принесу больше пользы.

Тихомиров удивленно вскинул брови — я сделал то, что считалось верхом непочтительности к «есть мнению»: отказался от предлагаемой должности и фактически предложил себя на другую.

— М-да... — перебирая бумаги на своем столе, медленно и сухо произнес Тихомиров. — Разговор у нас с вами не получился. До свидания.

Я вышел из кабинета в полной уверенности, что теперь вряд ли останусь в главных инженерах горкомхоза. Но буквально на следующий день Шиховцев сообщил мне о том, что Тихомиров назвал мое решение мудрым и полностью со мной согласился. Так я стал начальником горкомхоза. А когда заболела Светлана Михайловна Второва, мне пришлось исполнять обязанности и первого заместителя председателя горисполкома. А вскоре я стал первым замом, курирующим строительство в городе, официально. Тут я понял, что одно дело замещать кого-то, а другое — работать постоянно, быть назначенным. Совсем другая ответственность — уже не только за сегодняшний день, но и за перспективу.

Пригласил начальника ОКСа Валерия Борисовича Смирнова, попросил рассказать о перспективах, о строительной базе, о том, что делается по развитию строительного комплекса в Костроме.

— А я этим делом не занимаюсь, — ответил мне Смирнов. — Мне сказали заказать документы — я заказываю. А перспективой занимается главный архитектор города Владимир Иванович Кириленко.

Я — к нему:

— Владимир Иванович, что там у нас в перспективах развития города?

— Я этим не занимаюсь, — отвечает мне главный архитектор.

Но отказываться от предлагаемых должностей в ту пору было не принято: обязательно навлечешь на себя немилость начальства. Поэтому я собрал все свои невеликие дипломатические способности и стал разговаривать с Шиховцевым как бы высоко оценивая его предложение. Но, сказал я, кажется, будет больше пользы, если меня оставить в горкомхозе, где я уже знаю все.

Шиховцев стал горячо доказывать, что я молодой, энергичный и поэтому должен работать в ОКСе.

— Не соглашаешься сейчас — согласишься после разговора с секретарем горкома партии.

И меня вызвали к секретарю горкома Н. Тихомирову.

— Есть такое мнение, — начал Тихомиров, — поставить вас начальником ОКСа горисполкома.

Я набрал побольше воздуха в легкие и выпалил:

Для меня это был удар: оказалось, в городе не было планов, что и где строить завтра-послезавтра.

Буквально на второй неделе после своего прихода на пост заместителя председателя горисполкома я создал отдел перспективного планирования. Возглавил его Юрий Александрович Артемьев. Мы разработали план застройки города на три года: застройку микрорайона Давыдовский-1 разработали за месяц. Затем внедрили систему комплекса застройки микрорайонов. И с этих пор уже знали, что в этом году вводим, где готовим базу для строительства в следующем году.

Проектировщики и строители всегда находились в конфронтации. И те, и другие считали, что они правы. Мне приходилось утрясать спорные вопросы. Опять же помогли уроки Левицкого, которые я усвоил в институте: спрашивал и у тех, и у этих: «Что вы думаете?» Часто собирал их вместе и намеренно опаздывал на встречу. Бывало, что в такой обстановке вынужденного тесного общения они приходили к компромиссу до моего появления на совещании.

Уроки Ерёмкина

Я проработал первым заместителем председателя горисполкома два года. Тогда было такое направление в кадровой политике — обеспечивать рост кадров. После определенного периода работы всех председателей горисполкома переводили в облисполком. Как правило, они становились там заместителями председателей облисполкома по строительству и коммунальному хозяйству. Широков, Герасимов прошли через это повышение. Вот и Авхимкову пришла пора переводиться.

— Эдуард Васильевич, — спросил я его, — а кого же вы оставите вместо себя в горисполкоме?

— Как кого? — ответил он вопросом на вопрос. — Кроме тебя, никого.

А назавтра захожу к нему в кабинет и вижу: рядом с Авхимковым сидит Альвин Евстафьевич Ерёмкин, тогдашний председатель облисполкома.

— Хотели мы тебя назначить председателем горисполкома, — говорит Ерёмкин, — но передумали. Ты хорошо наладил строительный комплекс, и мы не хотим тебя потерять на этом ответственном участке. А потому председателем горисполкома хотим поставить Павла Александровича Кустова.

Авхимков молчал. А я стоял и думал: «Почему он молчит? Он ведь мне говорил, что, кроме меня, он никого в председателях не видит?» В этот момент я остро почувствовал

В.И. Вайнштейн

несправедливость по отношению к себе. Но, ничего не сказав, повернулся и ушел.

А в то время кандидатуру на должность председателя горисполкома утверждало законодательное собрание – Совет народных депутатов города. Для этой процедуры собрался объединенный Совет от всех районов города, а это почти 600 человек. Перед заседанием ко мне подошел директор завода «Мотордеталь» Владимир Ильич Вайнштейн и предупредил:

– Вы, Борис Константинович, свою кандидатуру не снимайте, мы будем голосовать!

Вот тогда впервые состоялись выборы председателя горисполкома. Началось заседание, к трибуне вышел Ерёмин и доложил, что есть мнение утвердить председателем горисполкома Кустова. И вдруг в зале поднялись несколько человек и заявили:

– А мы хотим Коробова. Давайте проведем альтернативные выборы.

Шел 1988 год. Об альтернативных выборах еще никто не слышал.

Ерёмин поморщился и повторил:

– Есть мнение – Кустова.

Но в зале зашумели, запротестовали и в конце концов настояли на выборах из двух кандидатов. Тогда голосовали открыто. И большинством голосов меня назначили председателем горисполкома. Слово «назначили» в этом месте я употребил не случайно: именно так объявили в тот день результат первых в Костроме фактически альтернативных выборов: «Председателем назначен избранный Коробов Борис Константинович»

Это был удар по власти и по непоколебимому до той поры «есть мнению». Но с тех пор Альвин Евстафьевич Ерёмин стал оказывать мне особое внимание. Бывало, только захожу утром в свой кабинет, как сразу звонок по прямому те-

Областная коллегия по правопорядку. Председатель облисполкома А.Е. Ерёмин

СПАСИБО ВСЕМ, КТО РАБОТАЛ СО МНОЙ

На этом первую часть своих воспоминаний я хочу закончить. Нулевой цикл завершен. Дальше будет почти 14-летний период моей работы во главе городской исполнительной власти. Как бы меня ни называли — председателем горисполкома, главой самоуправления или мэром — сущность моей работы была одинакова и состояла в том, чтобы обеспечить жизнь города. Как я уже сказал в одном из интервью, год у мэра состоит из двух зим: в первую он и все его службы латают коммуникации и готовятся к тому, чтобы отапливать город; во вторую — топят и латают прорвавшиеся трубы.

Увы, почти четырнадцатилетний срок моего «мэрства» пришелся на период смены общественно-политического строя, реформирования экономики и самого государства, пересмотра законодательства. В этот период правительству Советского Союза, а потом и Российскому правительству было не до регионов. Я бы разделил этот период на три этапа.

Первый, очень короткий — это период «социалистический», когда было много денег, но ничего нельзя было купить. В то время речь шла преимущественно не о том, как наполнить городской бюджет, а как суметь израсходовать имевшиеся средства в условиях тотального дефицита товаров и материальных ресурсов.

лефону из облисполкома: Альвин Евстафьевич с какой-нибудь претензией. Чаще всего с такой: «Ты почему не вычистил улицу, по которой я хожу?» А когда в облисполкоме проходили мои квартальные отчеты по городскому строительству, то на них все ходили, как на концерт. Знали, что Ерёмин обязательно привяжется ко мне из-за какой-нибудь мелочи и объявит строгий выговор.

Быть в немилости у начальства довольно трудно: вольно или невольно начинаешь тратить по мелочам время и нервы. Как бы меня не уговаривали чихать на выговоры, я не мог на них чихать и переживал. Но нет худа без добра. Я четырнадцать лет возглавлял городскую администрацию, говоря по-нынешнему, четырнадцать лет был мэром Костромы. За эти годы в моем ближнем и дальнем окружении много раз появлялись люди, которые по каким-либо причинам лично мне не нравились. И мне, не скрою, хотелось им насолить. Но в эти моменты я всегда вспоминал Ерёмина и брал себя в руки.

Но было бы несправедливо не отметить благоприятное влияние А.Е. Ерёмина на деятельность городской администрации. Ругали, критиковали, но всегда помогали.

Я особенно благодарен Альвину Евстафьевичу Ерёмину за то время, когда он был депутатом Верховного Совета и возглавлял комитет по промышленности. Не было ни одной просьбы, в которой он отказал бы. Его квартира в Москве была островком Костромской области, всегда полна гостями. А я всегда поражался его созидательной энергии.

Делегация Костромской области на съезде КПСС с первой женщиной-космонавтом Валентиной Терешковой

Второй этап, на который пришлось около половины моего срока пребывания на посту главы самоуправления, – период реформ. То, что происходило в стране, не могло не отразиться на жизни нашего города. Большинство из нас помнит эти времена: падение экономики на две трети, рост безработицы почти на 10 процентов трудоспособного населения, многомесячные задержки заработной платы и пенсий, галопирующая инфляция, резкое снижение уровня жизни населения. И хотя все мы тогда были «миллионерами», жизнь становилась все труднее. Возникли серьезные проблемы в обеспечении жизнедеятельности города. Наконец, дефолт 1998 года тоже пришелся на этот период.

Третий, последний этап – четырехлетний, отсчитывается с 1999 года. Началось преодоление кризиса в экономике, «задышала» промышленность, стали расти инвестиции в основной капитал. Медленными темпами, но все же выросли реальные денежные доходы населения. Резко снизилась социальная напряженность в обществе. В три раза по сравнению с 1998 годом увеличилась налогооблагаемая база нашего города. Многие стало меняться к лучшему.

Лишь одна тенденция осталась прежней. Несмотря на экономический рост, распределение налоговых поступлений осуществлялось так, что возможности городского бюджета из года в год снижались. Из-за этого не удалось решить ряд городских проблем, появились новые. Я затрудняюсь в определении этого этапа. С одной стороны – снижение остроты финансового дефицита в стране. С другой – усугубляющийся дефицит местных бюджетов.

Да, население города имеет полное право предъявлять претензии власти за нерешенные проблемы. Но что было бы, если бы городская власть была безынициативна, просто «плыла по течению»? Последствия предсказуемы. Мало ли было примеров замерзших городов, с парализованным коммунальным хозяйством!

Есть люди, которые считают, что все стало хуже и ничего лучше. Объективно оценивая минувший период, я скажу, что именно городская власть в сложнейших

условиях не только обеспечила жизнедеятельность города на максимально возможном уровне, но и способствовала значительному продвижению Костромы в ее социально-экономическом развитии.

В самый разгар экономического кризиса мы поставили перед собой четыре основные задачи:

- обеспечить стабильность в обществе и социальную защиту населения;
- обеспечить функционирование городского хозяйства;
- изыскать нетрадиционные подходы и источники развития города;
- создать в пределах своих полномочий условия для преодоления кризиса, роста экономического потенциала города.

Эти задачи друг с другом глубоко взаимосвязаны и решались в тот период с использованием всех имеющихся возможностей.

В кризисной обстановке удалось избежать полного развала городского хозяйства и финансов города. Усилия были направлены в первую очередь на помощь промышленности, среднему и малому бизнесу.

Оперативно, в отличие от других городов, на городской баланс было принято ведомственное жилье и объекты соцкультбыта, что освободило промышленные предприятия города от значительной финансовой нагрузки.

На протяжении нескольких лет товаропроизводителям предоставлялась 50-процентная льгота по налогу на прирост прибыли по сравнению с предыдущим годом (при условии, что эти средства будут направлены на развитие производства). В 1999 году данная форма льготирования инвестиций была поглощена более совершенным областным законом «Об инвестиционной деятельности в Костромской области», в разработке которого активное участие принимала администрация города.

В самом начале экономических реформ, когда все почему-то разукрупнялось и разорялось, нам удалось сохранить единый строительный комплекс. Город строился и продолжает строиться, а значит, живет и будет жить.

В период кризиса, острейшего недостатка финансовых средств практически полностью реализована программа развития образования в городе Костроме.

В 1997 году была проделана большая работа по изменению и утверждению четких границ города. Площадь городских земель выросла почти до 15 тысяч гектаров.

28 августа 2003 года я написал свое последнее распоряжение «О Коробове Б.К.»: «В связи с личным заявлением на основании ст. 30 п. 1 Устава г. Костромы досрочно прекращаю полномочия главы самоуправления г. Костромы 1 сентября 2003 года».

Этот шаг был для меня нелегким. Знаю, что костромичи оценивают его по-разному. Я и сам не могу оценить свой поступок однозначно. Придет время, и я сумею просто и ясно, без лишних обид и недомолвок рассказать о периоде 1991–2003 годов и о людях, которые меня окружали. Возможно, это будет во второй части моих воспоминаний.

А пока удачи всем вам и здоровья.

Ваш Б.К.

Soviet Mayor Makes Sister City Address

КОСТРОМА, U.S.S.R.
ДАРЕМ, N.C., U.S.A.
 Sister Cities, Nov. 27, 1989

Durham Morning Herald-Ken Kasper

Soviet Mayor Boris Korobov addresses City program in Civic Center Monday. Korobov stands in front of a sign that teaches us the Russian spelling of Durham. Story is on Page 1A.

Наименование товара

1. Холодильник
2. Стиральная машина
3. Швейная машина
4. Пылесос
5. Телевизор
цветного изображения
6. Набор мягкой мебели
7. Набор «Кухня»
8. Стенка мебельная

ОТРЫВНОЙ ТАЛОН

1. Холодильник
2. Стиральная машина
3. Швейная машина
4. Пылесос
5. Телевизор
цветного изображен
6. Набор мягкой мебе
7. Набор «Кухня»
8. Стенка мебельная

1989 г. обратно	ТАЛОН	жел.-дор. транспорт	1990 г. обратно	ТАЛОН	жел.-дор. транспорт
1989 г. обратно	ТАЛОН	воздушный транспорт	1990 г. обратно	ТАЛОН	воздушный транспорт
1989 г. обратно	ТАЛОН	автомоб. транспорт	1990 г. обратно	ТАЛОН	автомоб. транспорт
1989 г. обратно	ТАЛОН	морской флот	1990 г. обратно	ТАЛОН	морской флот
1989 г. обратно	ТАЛОН	речной флот	1990 г. обратно	ТАЛОН	речной флот
1989 г. туда	ТАЛОН	речной флот	1990 г. туда	ТАЛОН	речной флот
1989 г. туда	ТАЛОН	морской флот	1990 г. туда	ТАЛОН	морской флот
1989 г. туда	ТАЛОН	автомоб. транспорт	1990 г. туда	ТАЛОН	автомоб. транспорт
1989 г. туда	ТАЛОН	воздушный транспорт	1990 г. туда	ТАЛОН	воздушный транспорт
1989 г. туда	ТАЛОН	жел.-дор. транспорт	1990 г. туда	ТАЛОН	жел.-дор. транспорт

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА

020733 *

Ф.
И.
О.

Паспорт
Серия
Адрес

ПРОЕЗДНОЙ БИЛЕТ
г. КОСТРОМА

АВТОБУС ТРОЛЛЕЙБУС
для ПЕНСИОНЕРОВ

2001
НОВЕБРЬ

№ 193726

Цена 80 руб. Серия П**

Объединение
арендных
предприятий
"Промтовары"
Стиральный
порошок
Ш кв. 1991 г

Объединение
арендных
предприятий
"Промтовары"
МЫЛО
1991 г

Объединение
арендных
предприятий
"Промтовары"
Стиральный
порошок
2 кв. 1991 г

Объединение
арендных
предприятий
"Промтовары"
МЫЛО
2 кв. 1991 г

г. Кострома
пantalоны-
трусы
женские
и. 1к
1991г.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА
на приобретение женской обуви

097916 *

Ф. _____
И. _____
О. _____
Паспорт № _____
Серия _____
Адрес _____

1. Сапоги женские утепленные
2. Сапоги женские холодные
3. Туфли женские модельные

ОТРЫВНОЙ ТАЛОН

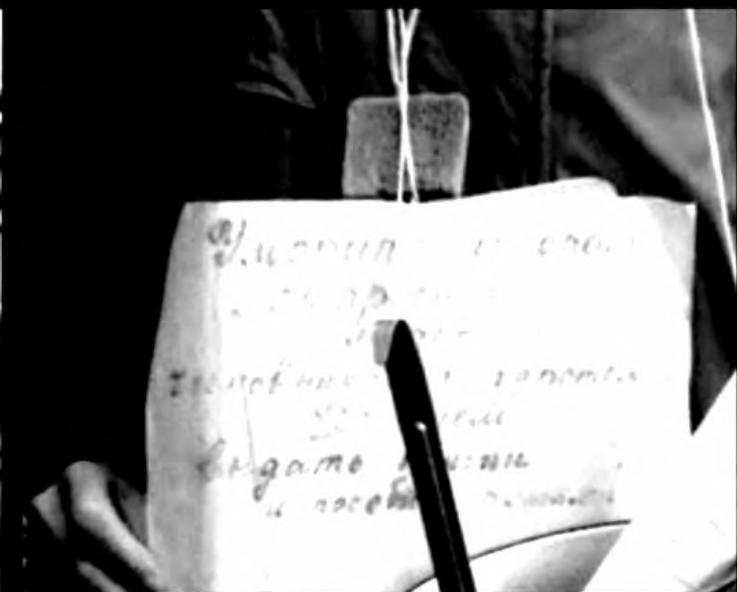
1. Сапоги женские утепленные
2. Сапоги женские холодные
3. Туфли женские модельные

Дума города Костромы, март 1994 – март 1996 гг.

Члены Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации первого созыва

Коробов Борис Константинович

НУЛЕВОЙ ЦИКЛ

Костромским строителям и моим учителям посвящается

Художественный редактор С. И. Кадыбердеев
Корректор И. П. Плюснина
Компьютерная верстка: А. Ю. Соглачаев

Подписано в печать 05.04.2006
Формат 70x100/16
Усл. печ. л. 10. Уч.-изд. л. 8,0
Тираж 3000 экз.

ООО «Костромаиздат»
156000, Кострома, ул. Советская, 2, оф. 49

Отпечатано: ОАО «Кострома»
156010, Кострома, ул. Самоковская, 10